

ЗИМНЯЯ ЧАША

АВТОР БЕСТСЕЛЛЕРОВ NEW YORK TIMES

ШИ ЭРНШОУ

Young Adult. Коллекция фэнтези. Магия темного мира

Ши Эрншоу
Зимняя Чаша

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.111-313.2(73)

ББК 84(7Сое)-44

Эрншоу Ш.

Зимняя Чаша / Ш. Эрншоу — «Эксмо», 2019 — (Young Adult.
Коллекция фэнтези. Магия темного мира)

ISBN 978-5-04-112619-3

В непроглядном лесу живет лютое зло. Каждый обречен на погибель. Но есть те, кому суждено пройти сквозь Чашу. В их жилах течет черная, как смоль, кровь. ОЛИВЕР Он исчез в ночь снежной бури. Его не искали – из леса никто не возвращался. К счастью, его спасла девушка с длинными косами. Теперь он жив, но не помнит того, что с ним произошло в роковую ночь. Возможно, он виновен в страшном несчастье... НОРА Она – ведьма, но с добрым сердцем. Нора помогла Оливеру выбраться из Чащи, и кажется, что лес неспроста сохранил ему жизнь. В чем он замешан? Ей придется разгадать эту тайну, и чем быстрее, тем лучше. Смерть уже идет за ней по пятам.

УДК 821.111-313.2(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-112619-3

© Эрншоу Ш., 2019

© Эксмо, 2019

Содержание

Пролог	6
Нора	7
Оливер	17
Нора	21
Книга заклинаний лунного света и лесная аптека	26
Нора	27
Оливер	36
Нора	39
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Ши Эрншоу Зимняя Чаша

Text copyright © 2019 by Shea Ernshaw

© Перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет за собой уголовную, административную и гражданскую ответственность.

* * *

«Мифическая проза и увлекательное повествование очаруют читателей и заставят томиться в ожидании других волшебных романов от Эрншоу».

Эдриенн Янг, автор бестселлеров «Небеса в бездне», «Девушка, которую вернуло море»

«Яркий, загадочный мир и темная пугающая атмосфера «Зимней чаши», которая пронизывает резким холодом, поразят читателей до глубины души».

Publishers Weekly

* * *

Посвящается всем девочкам и мальчикам с неукротимыми сердцами

Я не думаю, что лес был бы таким ярким, и вода такой теплой, а любовь такой сладкой, если бы не таилась опасность в озерах.

К. С. Льюис

Пролог

Тот парень пропал в ночь, когда разыгралась буря.

В ночь, когда ветер гнал снег с гор и, словно сквозь стиснутые зубы, завывал под крышей старого дома – жестокий, зловещий, полный дурных предзнаменований, которые опасно не принимать во внимание.

Электрический свет мигал, словно кто-то передавал морзянку. Температура падала так стремительно, что стволы деревьев трескались, вплоть до сердцевины, и на их поверхность, словно мед, выступала сладко пахнущая смола, которая быстро густела и замерзала на морозе. Снег вился вокруг дымоходной трубы, собирался на крыше, и в конце концов метель намела такие большие сугробы, что под ними исчез установленный в конце подъездной дорожки почтовый ящик. Они были настолько огромны, что я не могла даже разглядеть озеро под названием Щучья пасть из окна своей спальни.

Так за одну ночь пришла зима.

К утру Баррел-Крик-Роуд – единственная дорога, ведущая с гор, – оказалась занесена снегом. Заблокирована непроходимой белой стеной.

Те немногие из нас, кто жил так глубоко в лесах, и те, кто находился в лагере для трудных подростков «Щучья пасть», что на дальнем берегу озера, оказались в ловушке. Мы оказались заперты в самом сердце дикой глуши.

И не знали, как долго это продлится.

И о том, что не всем нам удастся выбраться отсюда живыми.

Нора

«*Никогда не пропускай попусту полнолуние, Нора, даже зимой*», – любила повторять моя бабушка.

Бывало, под полуночным небом мы шли вверх по Черной реке, ориентируясь по созвездиям как по карте, которую я могла прочертить кончиками пальцев – отпечатки звездной пыли на моей коже. Бабушка негромко напевала себе под нос, уверенно скользя по замерзшей реке к противоположному берегу.

«*Ты слышишь?*» – спрашивала она. – *Луна нашептывает твои секреты. Она знает самые глубокие, самые темные твои тайны*». В этом была вся бабушка – странная и прекрасная, а в ее глазах читались удивительные истории, которые она знала. Истории о лунном свете, загадках и катастрофах. Леденящие кровь истории. Впрочем, радостных и веселых у бабушки тоже хватало. Идя следом, я в точности повторяла каждый шаг, который она делала, пробираясь сквозь глушь, не переставая поражаться, с какой легкостью она избегала жгучей крапивы и ядовитой крушины. Как, проводя по коре дерева, которое встречалось ей на пути, моментально определяла его возраст. Бабушка была чудом – ее лицо всегда было поднято к небу, словно она жаждала ощутить бледное лунное сияние на своей оливковой коже, а вокруг нее, казалось, всегда закручивалась буря.

Но сегодня я иду без нее, гонясь за той же луной, которая сияет над той же темной замерзшей рекой, – охотясь за чем-то потерянным в холодном, печальном лесу.

Ветки деревьев роняют капли смолы. С сосны неподалеку ухает сова. Мы с Финном все дальше уходим в горы. Фин энергично машет своим волчьим хвостом, нюхает воздух, пытается уловить незнакомый, долетающий с другого берега реки запах.

Две недели прошло с той ночи, когда на озеро Щучья пасть обрушилась снежная буря. Две недели как выпал снег и заблокировал единственную дорогу, по которой можно покинуть горы. Как электричество, ярко вспыхнув в последний раз, умерло.

И две недели как пропал парень из лагеря у озера.

Парень, имени которого я даже не знаю.

Парень, который то ли сбежал, то ли потерялся, то ли просто исчез, испарился словно туман, что поднимается над поверхностью озера во время осенних бурь. Он незаметно выбрался из своей койки в одной из хижин, ушел и больше не возвращался. Жертва зимнего холода. Или сумасшествия, или отчаяния. Жертва этих гор, которые умеют проникнуть в твои мысли – дурача тех, кто осмелился ходить здесь, среди сосен, после заката солнца.

Эти леса дикие, суровые и не знающие пощады.

Верить им нельзя.

И все же сквозь них я сейчас иду, углубляясь все дальше в горы. Куда никто другой не смеет зайти.

Потому что я скорее тьма, чем девушка. Скорее зимняя тень, чем августовский полдень. «*Мы дочери леса*», – прошептала бы бабушка.

Итак, я продвигаюсь все дальше по берегу Черной реки, следуя начерченной звездами карте, делая все так, как меня учила бабушка. Как делали все Уокеры до меня.

Пока не добираюсь до места.

Место – это там, где линия деревьев справа от меня резко обрывается, открывая два крутых горных гребня, которые сходятся, оставляя между собой узкий проход в странный темный лес на востоке – лес, который намного древнее тех сосен, что растут вдоль Черной реки. Деревья там тесно сомкнуты и сплетены друг с другом, образуя свой отдельный мир.

Это Чаша.

Впереди возвышается каменная стена, которая перегораживает вход в этот лес. Она высотой чуть больше метра и сложена из плоских камней, поднятых с речного дна. Предупреждение. Знак повернуть назад. *Только глупец войдет сюда.* Стену сложили старатели, добывавшие когда-то на берегах Черной реки золото. Так они хотели предупредить тех, кто мог прийти сюда позднее и забрести в Чашу, не подозревая о жестокой темноте, которая таится в глубине леса.

Камни, обозначающие вход, никогда не вываливались из общей кладки, не обрушивались под весом зимнего снега или из-за осенних дождей и ветров.

Здесь проходила граница.

«Входи туда только при полной луне», – предупреждала меня бабушка, и уголки ее глаз влажно блестели. В глубине этого священного леса я нахожу потерянные предметы. Но только при полной луне, когда лес спит и видит сны, навеянные бледным лунным сиянием, я могу пробраться сюда незамеченной. Остаться невредимой. *«По сияющему лесу идти безопасно, это так. Но если он вдруг проснется, будь готова бежать»*.

Каждый месяц, когда в ночном небе поднимается набухшая луна, я захожу в Чашу в поисках потерянных вещей, скрытых среди зеленеющих ветвей или спрятанных под корнями деревьев.

Потерянные солнечные очки, резиновые пляжные шлепанцы, дешевые пластиковые сережки в форме шариков, единорогов и полумесяцев. Кольца на пальцы ног и кольца обещания, которые дарят своим подругам томящиеся от любви парни. В лесу рано или поздно находятся вещи, потерянные летними месяцами на берегах озера Щучья пасть. Появляясь так, словно лес возвращает их назад.

Но иногда под особенно счастливой полной луной я нахожу более старые вещи, забытые или потерянные их владельцами, покинувшими эти горы сотню лет назад. Серебряные медальоны, серебряные пуговицы, серебряные швейные иглы и наперстки. Сделанные из кости зубочистки, пузырьки из-под лекарств с давным-давно стертыми этикетками. Ковбойские сапоги и жестяные банки, в которых когда-то хранились сухое молоко и молотый черный кофе. Цепочки для карманных часов и дверные ручки. Время от времени я даже золото нахожу – сплюснутые грубой чеканки золотые монеты, блестящие среди мха, или чешуйки самородного золота, запутавшиеся в моих волосах.

Потерянные вещи находятся.

Силой неведомой магии эти вещи появляются в лесу. Возвращаются.

Фин принимает, медлит. Я тоже стою, затаив дыхание, и тереблю надетое на указательный палец золотое кольцо. Это привычка у меня такая. Способ пробудить в себе отвагу бабушки, которая отдала мне свое кольцо в ночь, когда умерла.

– Я Нора Уокер, – шепчу я.

«Позволь лесу узнать твое имя». Когда-то мне казалось ужасно глупо – разговаривать вслух с деревьями. Но когда вступаешь во тьму и чувствуешь пронизывающий тебя холод, когда деревья поглощают без остатка не только свет, но даже, кажется, память о нем, ты готова выложить Чаше все свои секреты. Все тайны, что хранишь заперти внутри грудной клетки. Ты сделаешь что угодно, лишь бы убаюкать лес, не дать ему очнуться ото сна.

Я крепко зажмуриваю глаза, переступаю через границу и, миновав линию выстроившихся в ряд, словно стражники, высоких сосен, вступаю в лесную тьму.

Вхожу в Чашу.

Ничто хорошее существовать здесь не может.

Воздух холодный и влажный, а темнота такая, что не разглядеть собственных ног. Но здесь всегда так, и, как мне кажется, раз от разу становится даже холоднее и темнее. Медленно дыша, я двигаюсь вперед. Осторожно, неторопливо перешагиваю через стволы упавших деревьев и замерзшие миниатюрные цветы. Я представляю, словно оказалась в застывшей во вре-

мени волшебной сказке с забытой всеми принцессой и героем, которого уже успел проглотить еловый гоблин. Сказка давным-давно закончилась, но никто так и не вспомнил, что надо сжечь этот проклятый лес дотла.

Я ныряю под низко нависающие колючие ветви и мертвые побеги кипариса. Смотрю себе под ноги и стараюсь не отвлекаться на тень, скользкую где-то на краю моего поля зрения. Если начать думать о ней, будет только хуже. Тогда эта тень может превратиться в жуткую тварь с рогами, клыками и горящими глазами цвета меди.

Внутри древнего леса шевелятся мертвецы.

Они скребут когтями по коре елей, завывают в густом подлеске, ищут лунный свет – или хотя бы серебристый клочок неба. Но света в этом месте нет. В Чаше таятся древние злобные твари – твари намного древнее, чем само время. С ними ты не пожелаешь столкнуться во тьме. *Беги. Беги из этого ада.*

Фин больше не бежит впереди, но жметя ко мне – его бег соразмерен с моими шагами. Тень человека. Тень пса.

«Я Уокер», – напоминаю себе, почувствовав пробегающий по позвоночнику колючий холодок, который пронизывает мои кости и плоть, подбивая бежать.

Но я принадлежу этим деревьям. Пусть я не такая крепкая, как бабушка, и не такая страшная, как мама, но в моих жилах течет та же кровь. Черная, как деготь. Кровь, которая дает Уокерам ночную тень, «ночное я». То, что делает нас другими – необычными, странными. Бабушка могла проникать в чужие мысли, а мама умеет привораживать диких пчел. Я же всегда чувствовала себя обыкновенной. И в такие ночи, как сегодняшняя, оказавшись в самой опасной части леса, я гадаю, не чувствуют ли того же дерева: вот идет девчонка, которая едва ли может заявить, что происходит из рода ведьм.

И едва ли у этой девчонки достаточно оснований, чтобы называть себя одной из Уокеров.

Я продолжаю пробираться вперед, прищурившись, всматриваюсь в темноту, изучаю взглядом торчащие из-под снега корни деревьев, ищу спрятанные среди лишайника и камней вещи. Что-нибудь блестящее, или остроугольное, или заржавевшее от времени. Что-нибудь, сделанное руками человека, – ценность чего измеряется весом.

Мы с Финном пересекаем русло высохшего ручья, и ветер меняет направление с восточного на северное. Температура начинает понижаться. Вдали кричит сова, и Фин останавливается рядом со мной, поводя носом. Я мягко касаюсь его головы, ощущаю, как часто он дышит.

Фин что-то учуял.

Я замираю, прислушиваюсь, не похрустывают ли замерзшие ветки, не крадется ли за деревьями волк, наблюдая за нами. Охотясь.

Только мотылек пролетает мимо моего плеча – он бьет в холодном воздухе белыми крыльшками, направляясь в сторону грустной, ошетилившейся иголками ели, и садится на ствол, оставляя на нем пыльные отпечатки. Он выглядит так, словно только что пролетел сквозь бурю, его крылышки порваны по краям. Потрепанный мотылек.

Мотылек, заглянувший в лицо смерти, пролетевший по краю гибели.

Мое сердце уходит в пятки, и я начинаю моргать, сомневаясь в том, что вижу. Это лишь очередной фокус из тех, на которые так богат этот лес.

Но я знаю, что это: видела рисунки таких мотыльков прежде. И одного, когда он бился в наше окно в тот момент, когда умирающая в своей спальне бабушка закашлялась, комкая руками простыни, а затем у нее горлом пошла кровь.

Костяной мотылек.

Жуткий пришелец. Вестник дурных предзнаменований, чье появление никогда не следует игнорировать. *Или предвестник смерти.*

Я вновь прикасаюсь к своему тяжелому кольцу с лунным камнем.

Вся моя отвага, вся бабушкина смелость, пульсирующие во мне, исчезают. Я крепко зажмуриваюсь, затем осторожно открываю глаза. Но мотылек по-прежнему здесь. Порхает зигзагами между деревьев.

– Нас не должно быть здесь, – шепчу я Фину. Нужно бежать.

Я снимаю руку с головы Фина и чувствую, как гулко бьется под ребрами мое сердце. Оглядываюсь через плечо на узкую тропинку, по которой мы пришли сюда. «Беги, беги, беги», – кричит мое сердце. Я осторожно, беззвучно отступаю на шаг от мотылька. Но он делает круг у меня над головой и исчезает среди деревьев – словно по чьему-то зову. Возвращается назад во тьму.

Я облегченно вздыхаю, мое сердце возвращается на свое обычное место, но тут Фин бросается вперед и, перемахнув через поваленный ствол, исчезает в кустах, преследуя мотылька.

– Нет! – кричу я. Кричу слишком громко, мой голос эхом проносится в заснеженных вершинах деревьев. Но Фин не останавливается. Он продирается сквозь густой подлесок и пропадает в темноте.

Проклятье, проклятье, проклятье.

Если бы Фин погнался за каким-нибудь другим, не костяным мотыльком или волком, я не стала бы его удерживать. Побегает в заснеженных горах денек-другой и вернется домой.

Но костяной мотылек – дело другое, он означает что-то жестокое, злобное, плохое. Поэтому я бросаюсь вслед за Финном.

Погоня заводит меня в самую глухую часть леса – мимо растущих под странными углами деревьев, вниз по крутому склону, где мои сапоги то и дело скользят, и мне приходится хвататься за древесные стволы, чтобы удерживать равновесие, где каждый мой шаг по промерзшей земле отдается гулким громом. Я произвожу слишком много шума. Слишком громко себя веду. Лес проснетя, я это понимаю. Но не замедляю свой бег. Не останавливаюсь.

Фина я теряю из вида, когда он исчезает за двумя поваленными деревьями.

– Фин, ко мне! – чувствуя колющую боль в сердце, зову я, стараясь звучать как можно тише. На глаза наворачиваются слезы, затуманивая взгляд. Меня начинает охватывать паника, я хочу кричать, звать Фина, но сдерживаюсь. Ни в коем случае нельзя разбудить лес: если это случится, ни мне, ни Фину отсюда уже не выбраться.

И вдруг я вижу его: виляя хвостом, Фин стоит среди деревьев в нескольких шагах от меня. Мое сердце ударяется о ребра.

Он ведет меня дальше в Чашу, в места, где я никогда прежде не бывала. А впереди, указывая путь, мотылек – тощее тельце, белые, истрепанные по краям крылья, – порхает среди снежинок, медленно и задумчиво, словно никуда не спешит. Затем он устремляется в небо, вспыхнув белой точкой на фоне черного полога леса, и исчезает среди деревьев.

Я осторожно подхожу к Фину и касаюсь его уха, чтобы удержать от погони за мотыльком. Но он обнажает зубы, рыча.

– Что там еще? – тихо спрашиваю я.

Фин поводит ушами, нервно, часто дышит, низкий утробный рык поднимается из его груди.

Здесь что-то есть.

Зверь или тень с крючковатыми когтями и мрачными глазами-шелками. Тварь, которую лес питает, которую прячет, – что-то, что я совершенно не желаю видеть.

Мои руки дрожат, к горлу подкатывает комок. Словно из пепла.

Я ненавижу рождающееся внутри чувство. Отвратительного страха. «Ты Нора Уокер», – напоминаю я себе. Я та, о ком перешептываются, та, из-за которой люди дрожат от страха и видят кошмары.

Я сглатываю, высоко поднимаю подбородок и делаю шаг вперед. Сюда нас привел мотылек. К чему-то, что я пока не могу увидеть. Я обвожу взглядом тьму вокруг – ищу, не блеснут ли где-нибудь из Чащи внимательно наблюдающие за мной глаза.

Ничего нет.

Тряхнув головой, я резко выдыхаю, поворачиваюсь к Фину и в этот момент задеваю ногой за что-то твердое, лежащее на земле.

Прищурившись, всматриваюсь себе под ноги.

Снежный холмик. Рукав куртки, кажется мне. Носок ботинка.

А затем я вижу. Вижу!

Руки.

Передо мной, посреди Чащи, лежит занесенное снегом тело.

Снежинки собрались на замерзших ресницах.

Закрытые глаза, словно два тонких полумесяца. Бледные губы слегка приоткрыты в ожидании ворон.

Даже воздух среди деревьев вдруг сделался неподвижным, как в склепе, словно это тело – жертвоприношение, к которому не следует притрагиваться.

Какое-то время я стою и, моргая, смотрю на труп. Бегут секунды. Сердце подкатило к самому горлу. Но с моих губ не слетает ни звука: я не плачу и не зову на помощь. Стою и не шевелясь смотрю на мертвеца. Мысли замерли, в ушах звенит и как-то странно потрескивает – будто к моей голове поднесли радиоприемник. Я наклоняюсь ближе к трупу, и деревья колышутся у меня над головой. На мгновение я представляю, как все деревья, вырвавшись из земли, перевернулись – корни в небо, а вершины в землю.

Прежде мне доводилось видеть в лесу мертвых птиц, а однажды я даже видела мертвого оленя с рогами, все еще прикрепленными к дочиста обглоданному черепу. Но никогда ничего подобного. Никогда я не встречала мертвого человека.

За моей спиной тихонько воет Фин, но я не оборачиваюсь. Не могу оторвать глаз от трупа, словно боюсь, что стоит мне посмотреть куда-нибудь в сторону, и он исчезнет.

Я сглатываю и опускаюсь на колени прямо в снег. Глаза щиплет от холода, но мне необходимо знать.

Это он? Тот парень из лагеря, который пропал?

Его лицо припорошено снегом, темные волосы смерзлись в твердую шапку. Никаких ран я не замечаю. Ни травм, ни крови. И находится он здесь совсем недавно, иначе его бы вовсе не было здесь. Видите ли, мертвые в горах долго не залеживаются, особенно зимой. Первыми их находят птицы и спешат урвать хоть что-нибудь до появления волков, которые растаскивают кости на мили вокруг, оставляя на месте умершего едва заметный след. Лес справляется с мертвецами эффективно и быстро. Не оставляя ничего, что можно было бы хоронить или оплакивать.

Легкий ветерок пробегает среди деревьев, сдувая снег со лба парня, с его щек и бледных губ. У меня встают волоски на затылке.

Я поднимаю из снега свою руку, подношу пальцы к раскрытой ладони парня. Мне любопытно, но при этом я дрожу от страха.

«Я не должна прикасаться к нему», – думаю я, но все равно опускаю руку. Хочу почувствовать холодную кожу, свинцовую тяжесть мертвого тела.

Касание.

Но его рука не затвердела. И вздрагивает под моими пальцами.

Он не умер.

Он еще жив.

Приподнимаются веки, и я вижу его глаза – яркие, зеленые. Живые. Он кашляет, и в тот же момент его пальцы крепко сжимаются вокруг моей руки.

Я взвизгиваю. Звук получается сдавленным и сразу гаснет среди деревьев, но Фин моментально оказывается рядом – хвост поднят, нос жадно втягивает новый запах ожившего парня. Я отдергиваю руку и пытаюсь подняться, но мои ноги подкашиваются, и я опрокидываюсь на спину в снег. «Беги!» – отчаянно кричит мне сердце. Но прежде чем мне удастся встать, парень перекатывается набок, закашливается, закрыв ладонями лицо. Пытаюсь дышать.

Живой. Не мертвый. Он ловит ртом воздух, у него теплая кожа, он держит меня за руку. Живой. У меня пересыхает в горле, я не могу заставить себя в это поверить. Я уверена, он мне снится. Но парень продолжает судорожно втягивать воздух, кашляя после каждого вдоха так, словно его легкие были полны воды.

Я снимаю с плеча рюкзак и достаю фляжку горячего можжевельного чая. «Он спасет тебе жизнь, если ты когда-нибудь потеряешься, – говорила бабушка. – На можжевельном чае несколько недель продержаться можно».

Я протягиваю парню фляжку, и он, убирая руки от лица, встречается со мной взглядом. Темные сонные глаза, грудь поднимается и опадает от глубоких тяжелых вдохов, словно он никогда до этого момента не дышал.

Фляжку он не берет, и я спрашиваю, наклоняясь вперед, затаив дыхание.

– Как тебя зовут?

Он озирается, потом поднимает взгляд к небу, словно надеется найти ответ – свое имя, затерявшееся где-то в лесу. Украденное, пока он спал.

Его взгляд возвращается ко мне.

– Оливер Хантсмен.

– Ты из лагеря для трудных подростков?

Налетает порыв ледяного ветра, взметая снежные вихри. Парень открывает рот, словно подыскивая слова, но ничего не говорит и просто кивает.

Я нашла его.

Лагерь для трудных подростков «Щучья пасть» – заведение, прямо скажем, не элитное. Сюда богачи не посылают своих сынков. Лагерь состоит из горстки жалких хижин, грязного сарая – столовой, и нескольких заброшенного вида административных построек, в которых когда-то жили старатели, промышлявшие золото на берегах Черной реки. Теперь это место, куда родители посылают своих отбившихся от рук мальчиков в надежде, что здесь им вправят мозги и сделают из них послушных и благовоспитанных сыновей. Да, в этот лагерь приезжают худшие, те, кто исчерпал свой лимит прощений и «последних шансов», вызовов на ковер к директору и задержаний. Они приезжают и они уезжают – каждый сезон новая банда, но есть и те, кто проводит в лагере несколько лет вместо старшей школы. Они учатся, как выживать в лесу, высекать огонь кремнем, спать на холоде под звездами, учатся, как достойно вести себя.

Двумя неделями ранее, в утро после той ночной бури, что обрушилась на нас с горных вершин, я проснулась и обнаружила, что мой дом занесен снегом. Окна покрыла ледяная корка, крыша трещала под весом снега, даже стены, казалось, вогнулись внутрь, словно скреплявшие их гвозди прогнулись.

По радио объявили, что у нас выпало от тридцати до сорока пяти сантиметров снега. На самом деле его навалило больше метра – и это всего за одну ночь! Я выбралась из кровати (из щелей в полу тянуло холодом) и вышла за порог.

За ночь окружающий пейзаж полностью изменился.

Я спустилась к озеру и увидела, что лес стоит белый, покрытый напоминающим зефир снежным ворсом. Однако обычную для зимнего утра тишину нарушали разносившиеся над замерзшим озером голоса, долетавшие из лагеря. Люди кричали среди деревьев. Топали своими тяжелыми зимними ботинками, заставляя взлетать в бледное утреннее небо грустно кричащих птиц.

– Доброе утро! – окликнул меня старый Флойд Перкинс и помахал рукой. Он шел вдоль берега, пригибая голову под ударами сильного ветра, сутулясь под тяжестью лет и земного притяжения. Подойдя ближе, старик Перкинс прищурился: его зрение сильно ослабло из-за катаракты.

– Скверная погодка, – сказал он, переводя взгляд выше, мы стояли, а между нами кружились снежинки. – Хотя бывало и хуже.

Перкинс провел почти всю свою жизнь у озера Щучья пасть и знал мою бабушку. Сам он живет на южном конце озера в маленькой хижине рядом с лодочной станцией, которой он управляет в летние месяцы – выдает напрокат каноэ и водные велосипеды и в дни, когда стоит жаркое солнечное марево, продает туристам сэндвич-мороженое. А еще старик Флойд каждое утро гуляет по берегу озера – бредет своей медленной усталой походкой, длинные руки болтаются по бокам, суставы щелкают из-за артрита. Свой утренний обход он совершает даже после таких снегопадов, как нынешний.

– Что там случилось в лагере? – спросила я.

– Мальчишка пропал прошлой ночью, – старик Перкинс потер своей узловатой ладонью затылок. Из-под вязаной шапочки торчала прядь мягких седых волос. – Исчез из своей койки прямо во время бури.

Я посмотрела через плечо старика в сторону лагеря. Несколько парней отгребали лопатами снег от дверей своих хижин, но остальные ушли в лес, и оттуда доносились их голоса, выкрикивающие имя, но какое – я не могла разобрать.

– Я говорил с одним из вожатых, – продолжил мистер Перкинс, мрачно покачивая головой, подчеркивая всю тяжесть ситуации. – Мальчишка, должно быть, убежал из лагеря в горы, причем прямо перед тем, как началась снежная буря.

Ветер взвихрил снег на замерзшей поверхности озера, и я почувствовала, что дрожу.

– Но они почему-то ищут его в лесу, – заметила я, скрестив руки на груди и кивая в сторону леса, начинающегося сразу за лагерем.

– Хотят убедиться, что он не заблудился, я думаю, – он приподнял свою густую седую бровь, мрачно глядя на меня. – Но если мальчишка ушел в тот лес вчера ночью, то вряд ли сможет выбраться назад. И они никогда не найдут его.

Я понимала, что он хочет этим сказать. Уже намело столько снега, а он все продолжал идти, а значит, любые следы к этому времени давным-давно занесло. А парень, вероятно, похоронен под снегом так глубоко, что даже Фину было бы трудно – если вообще возможно – отыскать его по запаху.

– Надеюсь, он просто сбежал, – сказала я. – И успел выбраться по дороге до начала снегопада.

Разумеется, я отлично понимала, чем бы все обернулось, если бы ему не удалось этого сделать. Как бы ни учили мальчишек в этом лагере выживать в дикой природе и укрываться в снегу под корнями деревьев, вряд ли кто-то из них смог бы дотянуть до утра на таком холоде. Да еще в снежную бурю. И в одиночку.

Озеро по берегам потрескивало, пока вставал лед.

– У тебя прошлой ночью электричество отключилось? – спросил мистер Перкинс, глядя в сторону, где за елями стоял мой дом.

– Ага, – кивнула я. – А у вас?

– Пока расчистят дорогу, пройдет какое-то время. Только тогда электричество и подключат, – он перевел взгляд на меня. Мягкий огонек в его глазах и морщины, повторяющие линию бровей, заставили меня вспомнить о бабушке. – А пока что мы можем рассчитывать только на себя, – закончил он.

Единственная дорога, ведущая с гор, оказалась под снежным завалом. До ближайшего городка Фир Хэйвен сорок пять минут езды на машине – слишком далеко, чтобы добраться туда пешком. Мы в безвыходном положении.

Мистер Перкинс мрачно кивнул, словно желая сказать, что впереди нас всех ждет еще одна суровая зима, и продолжил путь по берегу озера в сторону лодочной станции и своего дома.

А я еще немного постояла на месте, слушая доносящиеся из леса крики парней, небо темнело, предвещая новую бурю, собирающуюся над озером. Я знала, каким жестоким может быть лес, каким беспощадным.

Если тот парень потерялся где-то здесь, у него почти не было шансов пережить прошедшую ночь.

Все еще темно – наступила самая ужасная тьма. Зимняя.

Парень, Оливер Хантсмен, идет за мной через лес, спотыкаясь о корни, кашляя, жадно вдыхая воздух после каждого приступа. Он может не выбраться из Чащи, может повалиться замертво в снег за моей спиной. Парень останавливается, чтобы прислониться к дереву. Он весь дрожит. Я возвращаюсь и приобнимаю его. Оливер выше меня и шире в плечах, но вместе мы продолжаем медленно пробираться через лес. От него пахнет лесом, свежестью. Наконец мы достигаем границы Чащи, перебираемся через ее границу и оказываемся на открытом пространстве.

Я отпускаю парня, и он сразу же сгибается, уперев ладони в колени и жадно лоя раскрытым ртом воздух. При каждом вдохе его легкие издают странный хрипящий звук.

Оливер провел в лесу несколько морозных ночей, пробирался в полной незнакомых пугающих звуков темноте, в постоянном страхе – сверлящем мозг, не дающем уснуть. В таком лесу легко можно сойти с ума. Поехать кукушкой, как у нас говорят.

Где-то рядом журчит подо льдом Черная река – ее звук успокаивает, но одновременно кажется слегка жутковатым. Оливер смотрит в ночное небо, смотрит с таким благоговением, словно давным-давно не видел звезд.

– Нам нужно идти, – говорю я.

Он дрожит всем телом, кожа у него бледная, матовая. Необходимо, чтобы он как можно скорее попал в тепло, оказался подальше от снега и ветра. В противном случае холод все-таки добьет его.

Я вновь обнимаю Оливера, обхватив его рукой под грудь, так что могу чувствовать, как поднимаются и опадают при каждом вдохе его ребра, и мы бредем вдоль реки, пока перед нами не открывается устье, где она впадает в озеро Щучья пасть, на котором почти установился лед.

– Где мы? – спрашивает парень ломающимся голосом.

– Мы почти возле моего дома, – отвечаю я. А затем, подумав, что, возможно, у него шок и он ничего не помнит, добавляю: – Мы вернулись на озеро Щучья пасть.

Он не кивает в ответ, и его взгляд ничего не выражает. Мне становится ясно, что Оливер понятия не имеет, где мы.

– Здесь рядом мой дом, – повторяю я. – В лагерь я тебя отведу утром, тебя нужно как можно скорее согреть.

Я действительно не уверена, что он сможет преодолеть полтора километра, которые отделяют нас от лагеря для трудных подростков. Отвести его в больницу? Но до нее идти битый час, а дорогу занесло снегом. В общем, у меня нет других вариантов, как только отвести его к себе.

Руки парня дрожат, он настороженно осматривается, дышит неровно и часто, словно боится чего-то в окружающей нас темноте.

Возможно, ему что-то кажется – что ж, тени и лунный свет часто играют с нами в подобные игры. Но я-то знаю, что окружающие озеро Щучья пасть леса безопасны и не похожи на Чашу, в которой я нашла Оливера. Деревья здесь молодые, специально выращенные для древесины, даже сосны, что нависают над моим домом, сравнительно не так давно были саженцами. Все еще в мягкой и светло-зеленой хвое, они тихо качают на ветру своими ветвями, не трещат и не стонут. Эти сосны слишком молоды, чтобы хранить в себе обиды или воспоминания. Чтобы вырастить колдовские чары у своих корней. Одним словом, здесь все не так, как в Чаше.

Мы добираемся до выстроившихся в ряд вдоль берега деревянных домиков, и Фин оживляется, весело бежит впереди нас по снегу.

– Мой дом вон там, – говорю я, кивая в сторону деревьев. Большинство стоящих на берегу домиков – это летние хижины, которые снимают люди, приезжающие в теплые месяцы на озеро Щучья пасть, чтобы поплавать, порыбачить и погреться на солнышке. А мы с мамой никуда не уезжаем отсюда, как и наши предки. Мы остаемся на озере во все времена года, даже в самые суровые. Особенно в самые суровые. Мама не любит приезжающих сюда летом туристов с их грохочущей музыкой, щегольскими спиннингами и яркими пляжными полотенцами. Все это ужасно ее раздражает. А зима, напротив, смягчает мамин беспокойный, нервный характер.

Наш дом стоит в самом конце улицы, он ближе всего к горам и окружен лесом. Спрятался среди деревьев. Сейчас за его темными окнами не горит ни одна лампочка – электричества в поселке нет с той самой бурной ночи.

Я топаю ногами, отряхивая прилипший к сапогам снег, и толкаю тяжелую деревянную дверь, впуская внутрь дома струю холодного воздуха. Фин вбегает в гостиную первым, немедленно устраивается на коврик перед печкой и принимается деловито выкусывать набившийся в подушечки лап снег. Я швыряю рюкзак на выдавший виды диван с выцветшей оливково-зеленой обивкой. Его подушки давно продавились и просели почти до самого пола.

– Сейчас огонь разведу, – говорю я Оливеру, который все еще стоит, дрожа, на пороге. Взгляд у него пустой, отсутствующий, как у человека, который уже заглянул за ту сторону, но еще не успел далеко отойти от роковой черты.

Бабушка прекрасно разбиралась в травах и знала правильные слова, которые нужно прошептать, чтобы прогнать проникший до самых костей холод. Она уж точно сумела бы быстро вернуть Оливера в наш мир, который он едва не покинул. Но бабушки больше нет, а я знаю всего лишь несколько снадобий и жалкую горстку заклинаний. В любом случае, этого совершенно недостаточно, чтобы заниматься настоящей магией. Я стискиваю зубы, чувствуя привычную боль в груди от ощущения собственной ничтожности и беспомощности. Я не могу помочь, а ведь очень хотела бы. Я Уокер, но бабушка слишком рано умерла, а мама почти забыла, кто мы такие на самом деле.

Теперь я беспомощна, словно любая другая, обычная девчонка на моем месте.

Я ворошу тлеющие угли, сохранившиеся под пеплом в старой печке, а нефритово-зеленые глаза Оливера медленно осматривают тем временем дом. Бревенчатые стены, подгнившие деревянные балки над головой, выцветшие занавески в цветочек, от которых сильно пахнет шалфеем, который мы сотни раз жгли в доме, чтобы прогнать старых упрямых духов.

Но взгляд Оливера прикован не к занавескам и не к стенам. Он не сводит глаз со странной коллекции предметов, сваленных на полках и в затянутах паутиной углах старого дома. Старинные карманные часы, очки в круглой проволочной оправе, сотни серебряных пуговиц в стеклянных банках, серебряные ложки с изящной гравировкой, серебряные подсвечники с затвердевшими потеками воска. Резная, в золотой оправе, шкатулка для драгоценностей, внутри которой не сохранилось ничего, кроме вековой пыли.

Все эти вещи мы на протяжении многих лет находили в Чаше, но, в отличие от остальных, не отсылали в Фир Хэйвен владельцу антикварной лавки Леону.

Все эти вещи что-то значат, и я не могу расстаться с ними. Вещи хранят истории и готовы поделиться ими, стоит лишь взять их в руки.

Как и многие женщины из семьи Уокеров до меня, я нахожу потерянные вещи.

А в дверях моего дома сейчас стоит парень по имени Оливер Хантсмен.

Моя последняя находка.

Оливер

Волосы у нее длинные, темные и спадают вдоль спины, словно заплетенные в косы речные волны.

Я слышал о ней, о «девчонке, что живет за озером». Парни в лагере говорят, что ей нельзя доверять. Рассказывают, что в полнолуние можно увидеть на крыше ее силуэт – девчонка что-то колдует, подняв лицо к усыпанному блестящими льдинками звезд небу. А еще парни в лагере говорят, что ее семья живет в здешних лесах, что ее фамилия Уокер. А все Уокеры – ведьмы.

Ее дом спрятан среди деревьев – маленький пряничный домик, в котором пахнет землей и деревом. Домик, который мог приманить к себе Гензеля и Гретель. Они вошли бы сюда за сладостями и нашли бы смерть в его стенах. *Так же, как могу найти здесь смерть и я.*

Девушка передвигается по комнате с легкостью птички, почти бесшумно порхает по старым половицам, поднимая с них облачка пыли. И так, я стою на пороге дома ведьмы.

– Что со мной произошло? – спрашиваю я, пытаюсь согнуть пальцы, но они настолько окоченели, что не слушаются. Мороз растекается по телу, словно холодная вода льется из незакрытого крана и застывает кристалликами льда на суставах. Мысли лихорадочно мечутся в голове, но вместо воспоминаний только снег, и его белизна слепит, не позволяя рассмотреть хоть что-нибудь.

– Я нашла тебя в снегу, – отвечает девушка, склонившись у дровяной печки. Ловко и бесшумно она подкладывает в печь новые поленья. Не жмурится, глядя на огонь, и не пытается укрыться от летящих из топки искр.

Едва волоча ноги, я делаю несколько шагов, чтобы приблизиться к огню, бросаю взгляд на окно, заваленное снегом, и заставляю свою память включаться и вспоминать, вспоминать...

Я очнулся в лесу и увидел девушку, которую поначалу принял за видение. Она прикоснулась к моей коже своими мягкими пальцами.

Но мне кажется, что это было много дней назад, время для меня словно застыло и только теперь начинает понемногу оттаивать, как и мои промерзшие насквозь кости.

– Какой сегодня день? – спрашиваю я.

Сухие поленья уже разгорелись, от них на меня наплывают волны тепла, и девушка жестом предлагает мне сесть на маленький стул возле печки. Я сажусь, вытаскиваю руки из карманов куртки и протягиваю их к огню.

– Среда, – отвечает она и вскользь бросает на меня взгляд, словно боится, что может рассмотреть в моих глазах. А может, боится, что в ее глазах могу прочитать я.

Я сжимаю кулаки. Руки невыносимо ломит – это постепенно, болезненно восстанавливается мое кровообращение.

«Среда», – тупо размышляю я. Но мне это ни о чем не говорит. Надо бы лучше спросить, какое сегодня число и какого месяца. Даже какой год, может быть. Мои мысли пытаются восстановить происходившее. Но нет, я не могу вспомнить, как очутился здесь, помню только тот лес и как лежу на спине, а снег все падает – медленно, беззвучно, безостановочно – погребая меня заживо.

Девушка ходит по комнате, что-то мурлыча себе под нос, не заботясь, что я могу ее услышать. Но я слышу. Это протяжная, нежная мелодия, очень печальная. Колыбельная, может быть. Но в какой-то момент девушка переводит взгляд на меня и тут же замолкает.

Я опускаю глаза в пол, но продолжаю слышать ее шаги по комнате.

– Выпей, – говорит она, протягивая мне красную, в белых горошинах, кружку, до краев наполненную горячим чаем. – Это тебя согреет.

Она кивает мне, я дрожащими руками беру кружку, и мне в нос ударяет поднимающийся из нее пряный травяной пар.

«Выпей это. Съешь это». Я чувствую себя Алисой, провалившейся в кроличью нору. А откуда возвратился я сам? Из Страны чудес, из Нетландии? Или из другого, более... темного, скажем так, места, где вместо лимонных тортов и смешных песенок обитают жуткие монстры?

– Тебе все еще грозит обморожение, – добавляет девушка, поджимая губы. – Хотя ты выглядишь намного лучше, чем я ожидала.

Если честно, я совершенно не чувствую, что могу выглядеть хорошо. Я чувствую, словно никогда-никогда-никогда не смогу уже отогреться, словно из моих костей прорастают корни, которые вскоре прорвутся сквозь кожу, выпустят свои колючие побеги из моих глаз и разорвут меня на части.

Мне кажется, что от меня осталась лишь пустая оболочка, скорлупа.

Я обеими руками держу кружку с чаем. Ужасно хотелось бы чего-нибудь покрепче. Чашку черного кофе например. С сахаром. Но я безропотно отпиваю глоток и слегка морщусь от горечи. Девушка следит, как я пью чай. У нее на щеках россыпь веснушек, тех, что появляются после проведенных под солнцем дней, чтобы зимой напоминать об ушедшем лете, а к весне исчезнуть. Она забирает у меня пустую кружку, взгляд у нее остается внимательным, сочувствующим даже. Она касается моей руки своими пальцами. Бледными белыми пальцами.

Есть в ее взгляде что-то странное, диковатое. Знаете, что напомнил мне этот взгляд?

Представь, едешь ты ночью по пустой загородной дороге, и вдруг с обочины выбегает дикое животное. Выбегает, и ты в свете фар видишь такой же взгляд – удивленный, дикий взгляд существа, которое настолько свободнее тебя, что представить сложно.

Внутри меня вновь зарождается, начинает затягиваться тугим узлом страх. Она – ведьма, что живет за озером. Ведьма, от которой лучше держаться подальше. Избегать ее при любых обстоятельствах. Она околдует тебя и швырнет в огонь – просто так, ради интереса, чтобы посмотреть, как будет обгорать и отваливаться от костей твоя плоть. Впрочем, во взгляде, которым она на меня смотрит, нет и тени злобы, ни малейшего намека, что ей хочется свернуть мне шею. И потом, она же спасла меня и привела сюда...

Девушка держит пустую чашку, переводит взгляд на пол у моих ног и приоткрывает рот.

Теперь я замечаю тяжелый стук, с которым падают на половицы капли.

Одна за другой, одна за другой.

Девушка касается рукава моей куртки, которая промокла насквозь, в этот момент я похож на ледяную статую, которая начинает оттаивать в тепле, превращаясь в лужу на полу.

– Нужно снять с тебя всю мокрую одежду, – говорит девушка. Почти требует, я чувствую это по ее тону, по ее дыханию.

Я киваю, моя голова с трудом соображает, и я так промерз, что нет ни сил, ни желания сопротивляться.

Стоя перед огнем, я стаскиваю с себя куртку, рубашку с длинными рукавами и джинсы. Случись это со мной в другое время, когда я мог бы четко соображать, наверняка почувствовал бы себя как минимум неловко и странно, стоя в одних трусах перед совершенно незнакомой девчонкой. Но сейчас я ощущаю только холод. Кроме него для меня сейчас не существует ничего.

Девушка окидывает меня взглядом, прежде чем отвести глаза в сторону. Она пытается сделать вид, что не обращает внимания. Но ее щеки покраснели.

Я вновь сажусь на стул, и она укрывает меня тяжелым шерстяным одеялом.

Поправив одеяло, она стала развешивать мою одежду над печкой сушиться. От одежды пахнет сосной, холодным ветром и еще чем-то, что трудно понять, пока сам не побываешь в лесу и не принесешь с собой этот запах, впитавшийся в волосы и одежду. Этот запах леса пришел в дом вместе со мной, стойкий, словно горький дым походного костра.

– Утром я отведу тебя назад в лагерь, – говорит девушка. Сейчас она смотрит на огонь, потирая ладони. – Они искали тебя.

Я опускаю подбородок на грудь и подтягиваю съезжающее с плеч одеяло.

– Давно я исчез?

Она прикусывает нижнюю губу, показывая ровный ряд белых зубов, и у меня появляется чувство, будто я слишком пристально смотрю на нее, отмечая каждое ее движение и малейшее изменение в выражении темных глаз.

– С той ночи, когда была снежная буря, – наконец отвечает она, отводя руки от печки. – Две недели.

Гостиная, покачнувшись, плывет у меня перед глазами, пока я не прихожу в себя. Две недели! Целых две недели!

– Этого не может быть, – качаю я головой, стараясь удержаться на стуле. – За такое время я давно должен был умереть.

– Но ты не умер, – отвечает она и отходит к окну, на стекле возникает ее отражение – темные волосы и темные, как безлунная ночь, глаза. – Возможно, лес сохранил тебе жизнь.

Я не понимаю, что она хочет этим сказать. Налетает порыв ветра, от которого шатается весь дом, и с потолочных балок начинает сыпаться пыль.

– В лагере все думают, что ты пытался сбежать, – помолчав немного, добавляет она.

С меня на пол продолжает капать вода, и я вновь трясу головой. Я же не убежал, нет, я знаю. Знаю, но ничего не говорю, потому что никак не могу понять сам, каким образом оказался в лесу.

Там, где лишь редкие вспышки молний прорезают непроглядную тьму. Где деревья, словно в жутком танце, качают своими длинными, похожими на руки скелетов ветвями под дикуму музыку ветра. Где всегда царит холод – жалиющий, беспощадный.

Я прогоняю это мучительное воспоминание и начинаю рассматривать комнату. Отмечаю, что маленькую гостиную слабо освещают только отблески огня в печи, замечаю узкий коридор, в конце которого начинается лестница, ведущая на второй этаж.

– Электричество отключили, да? – спрашиваю я.

– Ага, – кивает она. – И телефон тоже. А мобильные так высоко в горах вообще бесполезны. Наша связь с внешним миром – ну, точнее говоря, с ближайшим городом – это телефонная линия и дорога. Но из-за бури линию отрезало, дорогу засыпало.

– Выходит, мы заперты здесь? – спрашиваю я.

– Дорогу со временем расчистят, – небрежно пожимает она плечами. – У нас зимой и не такое порой случается, – она отводит взгляд в сторону, словно припоминая. – Три... да, три года назад нам два месяца пришлось ждать, пока расчистят дорогу и подключат электричество. Мы привыкли полагаться на собственные силы, – она умолкает, словно боится, что сболтнула лишнего, открыла свое слабое место. – Я хотела сказать, что мы привыкли к уединению, – поясняет она, и ее слова растворяются где-то под потолком. – Ты тоже привыкнешь, – можно подумать, что мне никогда уже не покинуть этих гор, я стал постоянным жителем этих мест и мне предстоит жить, умереть и быть похороненным в этой земле. У меня по рукам пробегают мурашки, и я плотнее закутываюсь в одеяло. Возможно, все, что говорили о ней парни, правда, и я не должен оставаться в ее доме. В этом темном гнилом месте.

Тяжело сглотнув, я решаю перевести разговор на другую тему.

– Это все ты нашла? – спрашиваю я, указывая на наваленные грудой на подоконнике увеличительные стекла, старые флаконы из-под духов и пряжки от ремней.

Я вспомнил истории, которые слышал в лагере, истории о том, как эта девчонка ходит в темный лес – куда никто другой и не сунется – и находит там потерянные вещи. И что она – единственная, кто способен на такое, потому что сама часть этого леса, и если ткнуть ее ножом,

то из нее не кровь потечет, а древесный сок и смола, вот. А еще болтали, будто волосы у нее из крапивы, а на пальцах у нее вместо ногтей когти.

– Да, – небрежно отвечает она. – Точно так же, как нашла тебя.

Повисает молчание – странное, похожее на петлю, готовую, кажется, задушить нас обоих. Затем она подходит ближе ко мне, поднимает руку и прикладывает теплую ладонь мне ко лбу, проверяя, нет ли у меня температуры. Я делаю вдох и замираю, задержав воздух в легких.

– Тебе надо поспать, – говорит она. – Ты мог простудиться.

Но ее карие, темные, как лес, глаза смотрят не на меня, а куда-то в прошлое, она слегка кривит рот – что это значит, мне сложно понять. От нее пахнет ветром, мокрой от дождя травой, и я вдруг понимаю, что она просто не способна на все те ужасные вещи, о которых шушукались в лагере.

Что не способна она по ночам похищать мальчиков и прятать их, закопав у себя под половицами. Или превращаться в огромного клыкастого зверя и бродить по лесу, сшибая подвернувшиеся ей на пути деревья. И не кажется она ведьмой, которая варит жаб на завтрак и завязывает свои волосы в узелки, чтобы наложить на кого-нибудь проклятие, которое невозможно снять. Нет, она просто девушка.

Девушка с волосами цвета воронова крыла и взглядом, способным разбить твое сердце на части.

– Ты можешь поспать здесь, на диване, – негромко говорит она, опуская руку и отступая на шаг. И я вдруг понимаю, что слишком долго смотрел на нее. – Ближе к огню.

Небо за окном все еще темное, без просветов. Сколько сейчас времени, я сказать не могу, и сколько еще осталось до рассвета, тоже не знаю. Возможно, память вернется ко мне, когда лучи утреннего солнца коснутся моего лица, а ночные тени уползут в свои пыльные темные углы. Может быть.

– Спасибо, – говорю я. Меня неудержимо клонит в сон, веки слипаются.

Она кладет на диван подушку и еще два одеяла, улыбается и, повернувшись, отправляется к лестнице. Ее волк бежит следом. На нижней ступеньке она задерживается, словно забыла что-то. Завтра ты будешь в полном порядке. Завтра ты вообще даже не вспомнишь про лес. Ты даже обо мне завтра не вспомнишь.

Но она ничего такого не говорит, волосы падают ей на глаза, когда она начинает подниматься по лестнице. Я слышу звук ее легких шагов, вижу, как слегка прогибаются, поскрипывая, деревянные ступеньки у нее под ногами, потом начинают потрескивать балки, и я чувствую себя выбитым из колеи, одиноким, растерянным.

Я нахожусь в доме девушки, которая живет за озером. Девушки, которой нельзя доверять. Ее имя медленно всплывает из глубин моей памяти. Имя, которое шепотом произносили в лагере, когда по ночам рассказывали страшные истории. Истории, от которых мороз пробегал по коже.

Это имя звенит сейчас у меня в голове: Нора Уокер.

Девушка, в жилах которой течет лунный свет.

Нора

Я лежу в своей кровати на чердаке и думаю о парне.

Об Оливере Хантсмене.

О том, как смотрели на меня его глаза – ярко-зеленые, напоминающие пробившуюся из земли свежую весеннюю траву. И доброе выражение было у этих глаз. Как ложились мягкими волнами вокруг ушей его просыхающие волосы. Как, прежде чем что-нибудь сказать, он задерживал дыхание, взвешивая каждое слово. Вспоминаю, как подкатывало к горлу мое сердце и кружилась голова. Я очень хочу забыть, вытравить из памяти это чувство. Хочу, но не могу.

Вспоминаю миг, когда нашла Оливера в лесу – он лежал в снегу, и его закрытые глаза напоминали полумесяцы, а губы были белыми от холода. Что он видел в том лесу? И почему лес сохранил ему жизнь? Как хотелось бы мне сорвать с Оливера его внешнюю броню и посмотреть, что же он скрывает внутри.

Сейчас он спит внизу, и я знаю, что даже тепло от жарко растопленной печи не сумеет согреть Оливера и не излечит от того, что его страшит.

Оливеру необходимо лекарство. Но не то лекарство, которое можно купить в аптеке по рецепту, выписанному врачом. Ему нужно лесное лекарство.

«Легко вылечить подхваченную в лесу простуду можно с помощью того, что растет в этом лесу», – звучит у меня в голове голос бабушки. И она, как всегда, права.

Я на цыпочках спускаюсь с чердака вниз. Крадусь тихо, словно мышка. Словно семя, что падает по весне в землю.

Толчком открываю дверь маминой спальни и захожу внутрь. В комнате пахнет мамой – ванилью и медом. От мамы всегда пахнет медом. Этим запахом пропитаны ее волосы и руки. От него невозможно избавиться, ничем нельзя перебить. Полностью, во всяком случае. Три недели назад мама уехала в приморский городок Спарроу, повезла туда четыре ящика своего дикого клеверного меда, тщательно уложив их в кузов своего грузовичка. В полнолуние мама собирает соты диких пчел, живущих в Чаше, затем выкачивает из них мед, разливает в стеклянные банки и развозит их по небольшим магазинам, торгующим экологически чистыми продуктами в городках, разбросанных вдоль западного побережья. Магазины очень хорошо платят за мамин мед из Чаши. Говорят, что он слаще, чем настоящий тростниковый сахар, и может излечивать многие кожные заболевания, а также укусы пчел, сыпь и солнечные ожоги.

С тех пор как мама уехала, я с ней ни разу не разговаривала, поскольку телефонная линия оборвана, а единственная дорога засыпана снегом. Но мы привыкли к зимним бурям. Привыкли быть отрезанными от внешнего мира. И хотя я, наверное, должна бы тосковать без нее, чувствовать себя одиноко, это не так. У нас с мамой гораздо больше различного, чем общего. Я – дочь, которая стремится стать Уокером, а она не хочет быть ни Уокером, ни матерью.

Из-за моего любопытства, страстного желания знать все о нашем прошлом и разобраться, кто я есть на самом деле, мама считает меня предательницей.

А я хочу понять ту тьму, что живет во мне.

В свою очередь, я тоже считаю маму предательницей. За то, что она молчит, когда бывает дома, наотрез отказывается говорить со мной о бабушке и о тех Уокерах, которые были до нас.

Так что я, честно говоря, даже люблю, когда мама уезжает, а я остаюсь одна в нашем старом доме.

За меня мама не волнуется, знает, что если дорогу засыпет снегом, я смогу о себе позаботиться. Я смогу о себе позаботиться, даже если мама вообще никогда не вернется.

Войдя в мамину комнату, я опускаюсь на пол и начинаю шарить рукой под кроватью. Нахожу там огарок свечи, клубки пыли, бледно-желтый, давно лишившийся своей пары носок, и наконец нащупываю спрятанный в глубине возле самой стены деревянный ящик.

Вытаскиваю его из-под кровати, поставив перед собой, и осторожно открываю крышку.

Внутри ящика хранятся памятные вещи – старые фотографии и письма в конвертах, жемчужное ожерелье бабушки и старая музыкальная шкатулка, принадлежавшая когда-то Генриетте Уокер. Семейные реликвии, спрятанные под кровать, где они со временем будут забыты. Вещи, которые напоминают о том, кто я такая, и помогают почувствовать себя не такой одинокой. Уголки моих губ невольно приподнимаются в улыбке.

Ну а под всеми этими реликвиями я нахожу книгу.

Осторожно провожу по словам на ее обложке, написанным от руки: «*Книга заклинаний лунного света и лесная аптека*». Под этой надписью нарисован компас с четырьмя основными направлениями – север, юг, восток и запад.

Книгу я не открываю, нет. Мне нельзя ее открывать в маминой комнате – я боюсь, что мама, когда вернется, сможет почувствовать, что я сидела здесь на полу, держа раскрытую книгу.

Допустить этого я не могу, позже объясню почему. А сейчас я засовываю под мышку книгу, хранящую историю моей семьи, и осторожно выхожу из пропахшей медом комнаты, чтобы не оставить за собой ни малейшего следа.

Внизу в печи продолжает реветь пламя, от чего душно даже в моей комнате на чердаке, куда я возвращаюсь с книгой. Я раскрываю окно и выпускаю в комнату хоровод кружащихся снежинок. Я выросла здесь, в этой комнате на чердаке, с окнами на озеро. Здесь же я и родилась, а случилось это семнадцать лет назад в ночь мокрого полнолуния, когда сильнейший ливень хлестал над озером, превращая его берега в непролазное болото. Все Уокеры приходили в этот мир при полной Луне, с которой мы связаны с рождения.

Я кладу книгу на кровать, чувствуя себя при этом воровкой.

Когда-нибудь эта книга будет принадлежать мне, она передается женщинами Уокер по наследству из поколения в поколение. В данный момент книга принадлежит маме, хотя мама никогда не открывает ее, никогда не вытаскивает из ящика, чтобы полистать пожелтевшие страницы. Маме эта книга в тягость. Нашу семейную историю мама воспринимает как своего рода болезнь, от которой она никак не может избавиться.

Когда я была младше, когда еще была жива бабушка, она часто приносила книгу в мою комнату. Это она делала тогда, когда мама уезжала развозить свой мед.

«Твоя мама хочет забыть прошлое, – говорила бабушка. – Забыть то, что мы на самом деле».

Бабушка Ида садилась ко мне на кровать и начинала листать страницы, открывая передо мной следы прошлого. Мне казалось, что бабушкины морщинистые дрожащие пальцы знают все страницы книги на ощупь.

Я вспоминаю сейчас об этом, и у меня становится тесно в груди. Я вновь словно наяву вижу добрые выцветшие глаза бабушки, слышу ее негромкий высокий голос.

Она читала мне отрывки из книги, читала осторожно, словно опасаясь, что стены моей комнаты могут подслушать и донести на нас. Страница за страницей мелькали передо мной заметки, примечания, рецепты и сделанные от руки рисунки. Тут были наставления, как следует расшифровывать узоры паутины, сотканной перечными пауками, чтобы предсказывать по ним погоду. Или как найти нужные, редкие ягоды дикой ежевики, с помощью которых можно узнать, кто именно родится у беременной женщины – сын или дочка.

Бабушка читала мне старинные рецепты, оставленные в книге Скарлет Уокер, Флоренс Уокер и Генриеттой Уокер – которые казались мне скорее мифическими персонажами, чем реальными женщинами, жившими когда-то в этом самом доме и ходившими в тот же лес, что и я, собирать там примулы и болиголов. И они были такими сильными, такими искусными, что сравниться с ними я бы никогда не смогла.

Некоторые рецепты были вполне безобидными – например, как следует печь пряный острый грушевый пирог или какую-то замысловатую тушеную брюкву с петрушкой. Совет, как правильно заваривать можжевельный чай и как следует собирать осенью корень тысячелистника. Но были в книге и рекомендации более близкие к колдовству, чем рецепты из лесной аптечки. Например, как заставить летучих мышей охотиться на обычных мышей, домашних. Или как выращивать дикую землянику, нефролепис и восковник для оберегов и ворожбы. И совсем страшное: как научиться видеть бродящих среди могил мертвецов.

Никакого оглавления или указателя в конце книги не было. Никаких разделов или глав. Каждая женщина из рода Уокеров делала свои записи безо всякой системы, а после нее книга переходила к новой наследнице, и та начинала писать свое. Кое-где на страницах встречались бурые пятна от пролитого чая и смазанные следы от давным-давно съеденного шоколада, а прочесть несколько самых первых страниц было невозможно, потому что чернила здесь от времени совершенно выцвели. И через каждые несколько страниц встречалась краткая история жившей когда-то женщины из рода Уокеров – дата ее рождения, ее дар, когда она умерла и от чего. Таким образом, книга была не только сборником рецептов и наставлений, но и семейным архивом, хранившим память о каждой женщине из нашего рода.

Но после смерти бабушки и спустя всего неделю после моего пятнадцатого дня рождения мама взяла книгу и засунула в деревянный ящик под кроватью. Сделала так, словно не доверяла мне, словно пыталась стереть память о моей бабушке, а вместе с ней и обо всех Уокерах. Больше всего мама всегда хотела быть нормальной.

Порвать все связи со своим прошлым. Не хотела, чтобы ее называли ведьмой или чокнутой, не хотела ловить на себе взгляды осуждающих, когда шла по городу, не хотела слышать, как за ее спиной шепчутся, что в волосах у нее живут пауки, а под ногтями ног водятся жуки.

Мы – Уокеры. Наши предки жили в этих лесах задолго до того, как разбили свой лагерь на берегу Черной реки первые золотоискатели. Мы вышли из этого леса. Родились из его корней, соленой морской воды и выветренных от времени камней.

Мы все дочери леса.

Мы не можем жить без него, а он без нас.

Я сижу, скрестив ноги, на белом постельном покрывале. Снежинки влетают в комнату, опускаются на Фина, который свернулся в клубок на полу и спит, прикрыв нос хвостом.

Я открываю книгу, и меня обдает запахом сожженного зверобоя и жасмина. Точь-в-точь как в те вечера, что я проводила вместе с бабушкой. Гулко бьется сердце. Я испытываю трепет, смешанный со страхом. Если мама обнаружит, что я брала книгу из-под ее кровати, она рассердится. Очень сильно рассердится и спрячет книгу так, что я уже никогда не смогу вновь отыскать ее. Или вообще уничтожит, сожжет.

И все же я склоняюсь над книгой, и мне на глаза падает прядь волос – тонких и иссиня-черных, как у бабушки. Между прочим, мой крючковатый нос, и темная бездна во взгляде, и печальный изгиб губ – все это от бабушки. Напоминание, что бабушка живет во мне.

Под весом лунного камня поворачивается в сторону кольцо на пальце, когда я листаю страницы книги. Рецепты, записи, сделанные углем и карандашом рисунки, наброски...

Наконец я нахожу то, что мне нужно. Простое средство от простуды. Этот рецепт так часто перечитывали, что страница сложена пополам, чтобы ее легче было отыскать.

Если честно, сам рецепт не очень колдовской, но бабушка часто прибегала к нему в холодные январские дни, чтобы согреть свои промерзшие косточки, унять кашель, восстановить кровообращение в застывших пальцах рук и ног.

Я молча, тихо спускаюсь вниз, на кухню.

Найти необходимые ингредиенты совсем не сложно. Один из шкафов у нас на кухне целиком заставлен стеклянными банками, в которых хранятся сушеные травы, молотые корешки и ароматные жидкости, а на крышке каждой банки от руки написано, что именно в ней нахо-

дится. Здесь есть даже банка с надписью «*Озерная вода*» – это на случай, если на этой воде нужно срочно приготовить какое-то снадобье, а времени, чтобы бежать сотню метров до берега, нет.

Мама к этому шкафу даже не прикасается, но, правда, ничего из него не выбрасывает, хотя даже травки никогда не заваривает, в отличие от бабушки. Как я уже говорила, мама изо всех сил старается показать, что она не Уокер, но все равно не может стереть память о нашем прошлом. И от лунного света, который течет у нас в жилах, избавиться не может.

Я кладу нужные ингредиенты в тот самый медный котелок, которым пользовалась бабушка. Молотая гвоздика, растертый в порошок кардамон, щепотка травки, которая называется *кандык*, или *собачий зуб*, и немного красноватой настойки из банки, на которой написано «*Беро*».

Получившуюся смесь я перекладываю в маленький холщовый мешочек и иду с ним в гостиную, где спит Оливер. Его темные волнистые волосы уже высохли, он не просыпается и даже не шевелится, когда я, приоткрыв одеяло, осторожно прикладываю мешочек к его обнаженной груди. Он дышит во сне медленно и ровно, но вдруг вздрагивает – его глаза начинают бешено вращаться под закрытыми веками, все тело напрягается. Оливер видит сон и напоминает мне в эти секунды умирающее животное – сражающееся, цепляющееся из последних сил за свою жизнь. Я могла бы подлезть под одеяла, обнять Оливера, слушать, как бьется его сердце под моими ладонями, могла бы дождаться, когда он согреется, а потом вернуться в свою кровать наверх.

Но я не знаю этого парня. Парня, который напоминает мне зимние деревья – высокие и согнувшиеся, с грубой шершавой корой, которая временами отслаивается, обнажая сердцевину дерева.

Я задерживаю дыхание и отворачиваюсь. «Он парень, которого я не знаю», – повторяю я себе. Парень со своими секретами. Парень, не похожий на других – только никак не могу понять, чем именно не похожий. Не могу.

В рецепте сказано, что травы нужно держать близко к телу во время сна на протяжении трех ночей, после чего простуда уйдет из костей.

Это все, что я могу предложить ему, все, что я знаю. Я Уокер, но не владею настоящей магией. У меня нет ночной тени. Впрочем, и того, что есть, должно быть достаточно.

Вернувшись к себе на чердак, я закрываю книгу и зарываюсь под одеяло, стараясь не думать о парне. О незнакомце, что спит сейчас внизу.

Близится рассвет, небо за окном моей спальни начинает приобретать темно-розовый оттенок.

Я подтягиваю одеяло выше к подбородку и начинаю умолять сон прийти ко мне. Унести меня, погрузить во тьму, дать мне отдохнуть хотя бы часок. Но мое сердце продолжает гулко барабанить в груди, возбуждение не желает покидать меня, и дело тут не только в парне, который спит внизу. Дело в чем-то еще.

Мотылек, которого я видела в лесу. Белый мотылек с изодранными крылышками и черными блестящими бусинками глаз. Предупреждающий, тревожный знак.

И я знаю, что он означает. Я знаю, *что* приближается.

Мой взгляд скользит по стене над моей головой, где прищиплены предметы, принесенные мной из леса. Кусочки мха и сухие кленовые листья, вороново перо и скорлупа разбитого сорочьего яйца, семена ирги и другие собранные под деревьями вещи. К потолку головками вниз прикреплены на стебельках десятки высушенных лесных цветков. Они, покачиваясь, сыплют мне на подушку свою пыльцу. Это очень хорошо – принести в дом частицу леса и позволить лесу наблюдать за тобой, когда ты спишь. Эти лесные вещицы защищают меня и навевают хорошие сны.

Но только не сегодня.

Даже при открытом окне, сквозь которое залетают и собираются на полу снежинки, мне жарко под своим легким одеялом. Я потею так, что щека прилипает к подушке.

В полусне, в лихорадочных видениях у меня появляется странное ощущение, что утром Оливер исчезнет. Растает, словно снеговик.

Очередная уловка леса. Его игры.

Словно и не было никогда никакого парня по имени Оливер.

Книга заклинаний лунного света и лесная аптека

Флоренс Уокер родилась в 1871 году под Зеленой луной летнего солнцестояния.

К тому моменту, когда она сделала свой самый первый вдох, на подоконник слетелись вороны. Они и впредь сидели, сложив крылья, на подоконнике детской комнаты Флоренс и сторожили ее сон.

В день свадьбы Флоренс на стоявшую неподалеку березу уселся воробей с белым хохолком и спел такую чудесную песенку, от которой у всех, кто там присутствовал, сжалось сердце. «Она птичья ведьма, – говорили о ней. – Птицы исполняют все ее приказания».

Но птиц к ней просто привлекала ее ночная тень.

Флоренс всегда держала у себя в карманах семена подсолнуха и оставляла их пригоршни на камнях вдоль кромки озера. А когда она надевала свое желто-абрикосовое платье, семена сыпались из дырки в кармане, оставляя тонкий след повсюду, где проходила Флоренс. Она шептала птицам предзнаменования, а они в ответ делились с ней секретами ее врагов.

Позднее при жизни Флоренс построенный среди деревьев дом Уокеров постоянно был полон щебетом зябликов и пятнистых тауи. Они жили в доме, днем сидели на потолочных балках, а ночью спали, сгрудившись вокруг раковины в ванной.

Умерла Флоренс в возрасте восьмидесяти семи лет от тяжелой болезни, которая называется туберкулез.

Когда Флоренс была при смерти, на раме ее окна всю ночь сидела сова и кричала до тех пор, пока больная не издала последний, похожий на птичий щебет, хрип и замерла навеки.

В саду до сих пор можно видеть ворону, которая прыгает между грядок с чесноком и геранью, ища червячков. У этой птицы глаза Флоренс.

Как приманить к себе ворону из сада:

Одна пригоршня птичьего корма

Облачко сапфирового дыма

Сорвать рядом с садовыми воротами два цветка клевера

Прищелкнуть языком и три раза произнести имя Флоренс Уокер. На голове должна быть надета панамка.

Нора

Со лба катятся капельки пота, и я ногой отбрасываю одеяло в сторону. Мне жарко и думать я ни о чем не могу.

В окно спальни сочится бледный мутный утренний свет, а Фин сидит рядом с лестницей и тяжело дышит, высунув язык – ему тоже жарко. В висках легонько пульсирует боль – из-за того, что я не выпалась. И тут я вспоминаю парня, из-за которого я не выпалась. Парня с полными губами и такими глубокими глазами.

Я выбираюсь из кровати, чувствуя легкое раздражение. У меня слегка кружится голова. Фин следом за мной спускается вниз – нам обоим необходимо глотнуть свежего воздуха. А мне, кроме того, нужно еще отделаться от лихорадочных снов, которые никак не отпускают меня.

Когда мы с Финном спускаемся вниз, я резко останавливаюсь.

Огонь в печке почти погас, лишь слегка светятся угольки, присыпанные золой.

На диване лежит груда одеял, подушка смята, видно, что на ней спали.

Но самого Оливера Хантсмена нет.

Я открываю входную дверь и выбегаю на снег – холодный воздух наполняет легкие, мороз кусает за кончики ушей. В груди зарождается тревога.

Нет, я вовсе не беспокоюсь за Оливера. Просто начинаю сомневаться, а был ли он здесь вообще? Не придумала ли я его – Оливера Хантсмена, сделанного из снега и ночных звезд. А как только на небе вошло солнце, он взял и растаял.

Я стою на террасе, ищу отпечатки на снегу, какой-нибудь намек, что парень исчез в ночи. Возвратился в Чашу.

А затем я вижу.

Среди деревьев, растущих между домом и замерзшим озером, появляется фигура, мелькающая среди падающего с угольно-черного неба снега. У меня перехватывает дыхание и бегут мурашки. Это он.

На Оливере та же одежда, в которой он был вчера, только высохшая за ночь. Возможно, виной всему мутный утренний свет, в котором все видится странно, но выглядит Оливер каким-то решительным, словно приготовился отправиться в дорогу. Продолжить опасное путешествие, из которого ему не хочется возвращаться.

Почувствовав, очевидно, на себе мой взгляд, Оливер оборачивается, и в его руке я вижу холщовый мешочек с травами, который подложила ему, пока он спал.

Его прищуренные изумрудные глаза смотрят на меня, и я замечаю напряженность, которой не могу понять.

– Ты в порядке? – спрашиваю я, подойдя к краю крыльца, но мои слова кажутся лишними, они растворяются в холодном сухом воздухе, едва успев слететь с моих губ.

– Мне нужен был свежий воздух, – говорит он, переминаясь с ноги на ногу. – Я надеялся, что солнце, может быть, появится.

Оливер поднимает взгляд в небо, которое затянуто темными тяжелыми облаками.

«Возможно, он думал, что солнечный свет согреет, вылечит его, – думаю я. – Прольется бальзамом на его голову. И в одно мгновение чудесным образом вернет ему память».

Оливер продолжает сжимать мой мешочек с травами. Он опускает глаза, смотрит на мешочек и морщит брови, словно не может вспомнить, что это такое.

– Я сделала его для тебя вчера ночью, – поясняю я и неожиданно смущаюсь. Колдовские травы от девчонки-ведьмы. Я Уокер и никогда не желала быть кем-то еще, но мне одновременно не хочется, чтобы он смотрел на меня так же, как дети в школе или мальчишки из лагеря. Так, будто я монстр – странное, мрачное создание с безжалостным сердцем. Я хочу, чтобы Оливер видел во мне только девушку, и ничего больше.

– Это поможет согреть тебя, – добавляю я, словно мешочек с травами – обычная вещь вроде столовой ложки клубничного сиропа от простуды, который дают перед сном.

Но тем не менее он, кажется, успокаивается.

– С этим мешочком нужно проспать следующие две ночи, – говорю я, хотя не уверена, если честно, что он сохранит этот странный мешочек с остро пахнущими травами.

Оливер кивает, а затем произносит охрипшим голосом.

– Спасибо.

Фин спускается с крыльца и начинает что-то вынюхивать в низко стелющемся утреннем тумане.

– Новая буря надвигается, – говорю я, и словно в подтверждение моих слов налетает ледяной ветер, закручивая снежные вихри на поверхности озера. Он свистит среди деревьев, обжигает мне лицо, заставляя меня ощутить дежавю – такое стремительное и мимолетное, что я едва успеваю осознать его. На мгновение мне кажется, что я уже стояла когда-то на этом самом месте и смотрела на Оливера, стоящего среди деревьев. Но, возможно, это еще ожидает меня в будущем. Время могло унести меня и вперед, а затем вернуть в настоящее, с ним всякое случается. Я, зажмурившись, отсчитываю несколько секунд, а когда вновь открываю глаза, странное ощущение уже исчезло.

Оливер опускает взгляд, и мне хочется заставить слова слетать с его губ – так сильно я жажду знать, о чем он думает. Но Оливер молчит, словно лесные рогатые зайцы, которые сидят по весне на нашем крыльце, смотрят в окна и тихо думают – а о чем они думают, кто знает?

Так и не дождавшись ответа от Оливера, я откашливаюсь и готовлюсь сама задать вопрос, который меня волнует. Тот самый вопрос, который не давал мне покоя всю ночь и заставлял сомневаться.

– Как ты оказался в Чаше?

Как ты выжил целых две недели в этом темном ужасном лесу?

На таком холоде?

Он смотрит на меня, но на этот раз уголки его рта опущены, а между бровей пролегла морщина.

– В Чаше? – переспрашивает Оливер.

– Ну да, там, где я тебя нашла.

– Не знаю, – признается он и после небольшой паузы добавляет: – Я не помню, что случилось.

По моей спине пробегают мурашки – возможно, от того, что я не поверила ему.

– Это очень опасное место, – говорю я. – Ты мог умереть. Или заблудиться в этом лесу и никогда уже не найти дорогу назад.

– Но ты-то пошла в Чашу, – замечает он.

Оливер выглядит спокойным, а вот мои мысли лихорадочно несутся по кругу.

– Прошлой ночью было полнолуние, – быстро отвечаю я. – А я Уокер.

«И все, что ты обо мне слышал, – правда», – мысленно добавляю я, но вслух этого не говорю. Все истории. Слухи, которые ходят в лагере, слово, которое произносят шепотом: *ведьма*.

Если бы Оливер вырос здесь, в наших краях, он знал бы о моей семье гораздо больше. Все истории об Уокерах. О Скарлет Уокер, которая нашла в Чаше свою ручную свинку. Эта свинка сменила цвет и сделалась белоснежной после того, как съела кусочек редкостной белой черники. Забавно, да?

Он бы слышал и об Уне Уокер, которая могла вскипятить воду, просто постукивая ложкой о край миски. Или о Мэделин Уокер, которая ловила в банки жаб, чтобы запретить людям болтать о ней.

Но Оливер не слышал этих легенд, которые – я это знаю – чистая правда. Ему известно только, о чем судачили парни – а вот *их* истории, как правило, сплошная ложь, приправленная страхом и ненавистью.

Он не знает, что Уокеры могут входить в Чашу, потому что наша семья такая же древняя, как растущие там деревья. Что мы сотканы из тех же древесных волокон и пыли, из корней и пушинок одуванчика.

Но этот парень каким-то образом вошел в Чашу и, что самое удивительное, выбрался оттуда невредимым. Живым. У меня такое ощущение, что здесь не обошлось без какой-то странной разновидности магии.

– Как ты смог уцелеть там? – продолжаю настойчиво спрашивать я, внимательно следя за выражением его лица, чтобы уловить любой признак, что он лжет, пытается что-то скрыть от меня.

Он не спеша обдумывает мой вопрос, а затем отрицательно качает головой – похоже, действительно не знает. А может быть, из его памяти вычищено все, что ему следует забыть. Какие-то неприятные вещи. Лес лучше не вспоминать, согласна. И то, какой беспросветной может быть тьма, тоже.

Я тяжело сглатываю. Я разочарована, я устала. Там, в лесу, с Оливером что-то произошло, но он не хочет сказать, что именно. Или на самом деле не помнит. Тут мои мысли странным образом возвращаются к мотыльку с его трепещущими в темноте белыми крыльшками. Я вспоминаю, как он *порхал* среди деревьев, ведя меня к Оливеру, к тому месту, где тот лежал, занесенный снегом. Я вздрагиваю, складываю руки на груди, стараюсь прогнать это воспоминание. «Возможно, я ошиблась», – мысленно пытаюсь убедить себя. Может, это был вовсе не костяной мотылек, а самая обычная, просто очень крупная и белая ночная бабочка. Бабочка, которая, возможно, и не была зловещей вестницей.

Возможно.

Возможно.

– Тебе нужно назад в лагерь, – резко говорю я.

У Оливера опускаются плечи, губы складываются в узкую линию. Очевидно, ему совершенно не хочется возвращаться в лагерь, но и я его оставить здесь не могу. Не могу заявить: Чур, мое! Он потерянная вещь, которая принадлежит лагерю «Щучья пасть». Так что не мне его хранить. Не могу я положить Оливера себе на подоконник, любоваться им и сдувать с него пылинки.

Даже если мне очень хочется этого.

Оливер мрачно кивает.

– И нам нужно успеть до того, как новая буря разыграется, – добавляю я. Небо уже успело сменить цвет, сделалось похожим на начинающий заживать синяк. Ветер усилился, засвистел среди деревьев, взвихрил снег на поверхности замерзшего озера.

В глазах Оливера я читаю беспокойство, за которым скрывается что-то еще. Может быть, страх. Или нетерпение. Или просто глаза такие потому, что парень не выпался. Не знаю.

– Хорошо, – соглашается он.

Фин скулит на крыльце, глаза у него большие и влажные.

Он очень не хочет, чтобы его бросали, но для меня спокойнее будет, если Фин останется дома. Летом туристы часто принимают Фина за чистокровного волка, дикого и опасного. Возможно, они правы, хотя когда Фин два года назад вдруг появился на крыльце нашего дома и начал скрестись в дверь, прося впустить его, он выглядел скорее как помесь волка с колли. Но глаза у него при этом были довольно дикими. Такие, будто он в любой момент может стремглав рвануть назад, в лес, которому он принадлежит. Вернуться туда, где его место.

Даже мальчишки из лагеря, увидев Фина издалека, кричат, что это волк. А иногда и камнями в него швыряют.

Они боятся его – а страх заставляет людей совершать глупости.

Погладив Фина по голове, я вместе с Оливером пробираюсь к озеру, протаптывая дорожку среди деревьев.

Мы идем вдоль береговой линии, слева от нас лежит замерзшая поверхность озера, покрытая паутиной трещин, сходящихся к его середине. В летние месяцы вода в озере светло-голубая, спокойная, сверкающая на солнце. Но сейчас озеро погружено в спячку, и вода сделалась черной, мрачной, обжигающе холодной.

– В лагере поговаривают, будто это озеро бездонное, – произносит за моей спиной Оливер. Мы продолжаем загребать ногами снег, и при каждом нашем выдохе в морозный воздух вылетают облачка пара.

– Дна его никто никогда не видел, – соглашаюсь я.

Порой я могу, стоя на берегу, представить, что падаю вниз, вниз, вниз в темной воде озера, и чувствую ужас, странным образом смешанный с любопытством. Что ждет меня там, куда никогда не долетает солнечный свет? Что скрывается в глубине? Какие чудовища прячутся в тех местах, где никто их не может увидеть?

– Так ты думаешь, это правда? – спрашивает Оливер, останавливаясь и смотря на озеро. Голос у него теперь сильный, чистый, глубокий, не то что прошлой ночью. Возможно, травы делают свое дело.

Я растерянно отвечаю:

– Ты живешь здесь достаточно давно, чтобы начать понимать, что здесь существуют вещи, в которые никто не верит во внешнем мире.

Не знаю, поймет ли он, что я хотела сказать. Скорее всего, нет.

Чувствую, он смотрит на меня своими невероятными зелеными глазами, а затем он приподнимает руку и тянется ко мне. Пальцы Оливера легонько касаются моих волос, щекочат кожу за ухом.

– Листок, – говорит он, отводя руку. Он показывает мне золотисто-желтый листок. – Запутался у тебя в волосах.

Мы с Оливером стоим так близко друг к другу, что я смущаюсь и быстро провожу пальцами по своим волосам.

– Такое часто со мной случается, – негромко отвечаю я, стараясь не смотреть Оливеру в лицо и чувствуя, как краснеют мои щеки. – Лес буквально прилипает ко мне.

Оливер широко улыбается, и я впервые вижу его улыбку. Вижу легкий изгиб его слегка искривленных губ, смешинки в его глазах.

Я сдерживаю ответную улыбку, готовую расцвести на моих губах. Знаю, он считает меня странной. Видит во мне девчонку, которая делает снадобья и к чьим волосам липнут листья. Совершенно очевидно, что она ведьма. Разве может такая девчонка быть кем-то еще?

Пройдя еще примерно километр на север, мы доходим до лагеря.

Это первое поселение, когда-либо созданное в здешних горах.

Среди деревьев показываются первые постройки.

Лагерь для трудных подростков «Щучья пасть» был основан лет пятьдесят назад, на месте поселения старателей. В начале 1900-х годов суровые, потрепанные жизнью мужчины и женщины сколачивали себе состояние в этих горах, намывая золото на берегах Черной реки. Даже в озере первое время можно было найти крупинки золотого песка.

В наши дни ничего подобного нет: золото давным-давно кончилось.

Теперь здесь среди заснеженных деревьев стоят два десятка хижин и еще несколько совсем маленьких, странной формы построек, разбросанных вдоль береговой линии, включая ремонтную мастерскую и насосную станцию, которые сохранились еще со времен золотоискателей.

Снег в лагере истоптан башмаками четырех десятков трудных подростков. Следы ведут от хижины к хижине, и так во всех направлениях. Летом здесь на берегу творится настоящее столпотворение: парни играют в футбол, запускают летающие пластиковые тарелочки – фрисби, отплывают от берега на каноэ и парусных лодках, которые сами же и построили. Стоит заметить, что лишь немногие их суда способны хоть какое-то время продержаться на воде.

С крыши столовой свисают сосульки. Мы с Оливером, громко топая, подходим к массивным двойным деревянным дверям. Сквозь них до нас доносится какофония звуков – завтрак в лагере в полном разгаре.

Оглядываюсь на Оливера, который сгорбился от холода. В моей голове проносится мысль, что, может быть, разумнее было бы сейчас развернуться и вместе с ним возвратиться домой, где спрятать его на чердаке, в безопасности. Но я прекрасно понимаю, что нельзя держать его у себя, он не мой.

– Ну, ты идешь? – спрашиваю я и слышу, как дрожит мой голос.

Может быть, Оливер гадает, каким будет наказание, которое назначат ему, когда увидят, что он возвратился в лагерь. Может, ему вместо этого хочется вновь оказаться в лесу, лежать на спине в снегу. Потеряться.

Но я не могу отвести его назад в лес.

Найденная вещь не может стать найденной.

Оливер кивает, я толчком ладони открываю одну створку тяжелой двери, и мы заходим внутрь.

Странная разноголосица и тяжелый, продымленный воздух ударяют в нас. Ощущение, словно ты из тихого, уснувшего под снежным покрывалом мира внезапно перенесся в совершенно иное место – грохочущее, бурлящее жизнью. Мне требуется время, чтобы адаптироваться к новому окружению.

Передо мной огромный зал; неказистый, но крепкий дом, в котором мы находимся, способен, кажется, простоять еще тысячу лет, успешно выдерживая натиск ветра и снега. В дальнем левом углу находится большой камин, в котором ревет и бушует пламя. В воздухе пахнет подгоревшими тостами и висит легкая дымка. И слышен свист, словно сюда внутрь пытается пробиться заунывный зимний ветер.

На двух длинных столах горят свечи, освещая лица сидящих по обеим сторонам парней. Шум их голосов эхом отдается от высокого деревянного потолка. Большинство обитателей лагеря завтракают, скребут вилками в своих тарелках, расплескивают апельсиновый сок, но несколько парней играют в пинг-понг в дальнем конце зала, возле камина.

Мне уже доводилось здесь бывать, хотя и нечасто, всего несколько раз.

Каждое лето и зиму живущие в лагере парни устраивают потlach – вечеринку, куда каждый приходит со своим угощением, которое ставят на общий стол. Приглашают на эти вечеринки и местных девчонок, в основном из Фир Хэйвена. Кроме угощения на таких вечеринках предполагаются танцы и прогулки по старому поселению золотоискателей. Девчонки из Фир Хэйвена приходят на такие потлачи, чтобы глазеть на парней и целоваться, укрывшись за деревьями. В последние два года мама стала настаивать, чтобы на эти вечеринки ходила и я, говорила, что мне полезно как можно больше общаться с людьми. Друзей завести. Можно подумать, что для полного счастья мне не хватает только компании подруг, которых можно позвать к себе летом на вечеринку с ночевкой. Представляю, как они расстилают свои спальные мешки на лужайке возле нашего дома и устраиваются поудобней под звездами. Будто я пропаду без чего-то подобного. Да ладно, у меня есть лес, и Фин, и заваленный книгами чердак, и, поверьте, мне этого вполне хватает для счастья.

Мы с Оливером какое-то время стоим, ожидая, пока кто-нибудь заметит нас. Увидит, что Оливер Хантсмен вернулся.

Но они продолжают уминать политые сиропом вафли, шумно прихлебывают апельсиновый сок и смеются так, что мне остается только удивляться, как они умудряются не подавиться при этом.

Скрестив на груди руки, Оливер осматривается, словно пытаюсь найти тех, кого знал до своего исчезновения, но вокруг мутный полумрак. Он поворачивается ко мне, и я вижу, как он напряжен.

– Спасибо, – говорит он, – что разрешила остаться у тебя прошлой ночью.

Никакого тепла в его взгляде я не замечаю, и меня вновь начинают терзать сомнения. Да, я спасла Оливера, вытащив из леса, но сейчас мне кажется, что было ошибкой приводить его сюда. Еще большей ошибкой, чем оставить умирать в темноте Чащи.

Я заставляю себя улыбнуться, но выдавить из себя могу всего лишь глупый ответ.

– Всегда пожалуйста.

Здесь его место. Среди других парней.

Не говоря больше ни слова, Оливер отворачивается и, даже не попрощавшись, идет к столам и теряется в суете столовой. Я жду, что кто-нибудь узнает его, окликнет по имени. Но никто этого не делает. Вероятно, в зале настолько темно, что сложно узнать человека. *Человека, о котором уже забыли.* Впрочем, я уверена, что когда вожатые обнаружат, что Оливер вернулся, у них появятся вопросы, на которые они захотят получить ответы. Они наверняка захотят узнать, где был Оливер и что с ним произошло. Интересно, расскажет ли он правду – что все это время провел в Чаще? Да и знает ли он сам, что с ним произошло? Помнит ли он вообще, что последовало за его побегом?

Я смотрю Оливеру вслед, понимая, что, вероятно, вижу его в последний раз.

Даже если Оливер останется в лагере, он превратится для меня всего лишь в одного из толпы безымянных парней. Эти парни появляются и уезжают. Пройдет какое-то время, и Оливер тоже уедет, вернется туда, где его дом. В один из равнинных штатов или прибрежных, туда, где живут его родители, друзья. Вскоре он забудет эти места и ту ночь, когда девчонка нашла его в лесу и уложила спать в своем доме у разведенного огня. Память об этом вскоре вытеснят новые воспоминания.

Моя первая находка, сделанная из живой плоти, с бьющимся сердцем, оставляет меня.

Сердце не желает слушать, что говорит голова, и сжимается от непонятной мне боли. Я чувствую, чего не желаю чувствовать. Отказываюсь чувствовать.

Я поворачиваюсь к двойным дверям, отбрасываю накотившее на меня чувство и тут замечаю, что ко мне кто-то приближается. Высокая стройная фигура движется легко, плавно. Это определенно девушка. Причем чувствует она себя здесь как дома.

Сюзи Торрес – гибкая, с конским хвостом золотисто-каштановых волос, с ресницами такими длинными, что могут поспорить с крыльями колибри, – неспешно направляется мне навстречу, ухмыляясь.

– Нора! – окликает она.

Рот у меня раскрывается, а улыбка гаснет.

– Что ты здесь делаешь? – спрашиваю я, когда Сюзи подходит ближе.

Сюзи живет в Фир Хэйвене и учится там в средней школе. Знакомство у нас с ней, как говорится, шапочное – в прошлом году наши шкафчики в раздевалке стояли рядом. Подругами мы никогда не были. Подружек у Сюзи и без меня хватает, да еще имеется достаточно парней-обожателей, которые вечно крутятся возле нее. У меня нет ни того, ни другого, да я и не хочу.

Время от времени я вижу Сюзи у озера, в основном летом. Она любит загорать, растянувшись на пляжном полотенце, а рядом, разумеется, несколько подруг – намазанных кокосовым маслом и смеющихся так громко, что их голоса долетают до противоположного берега. Как правило, у Сюзи случается недолгий летний флирт с одним из парней из лагеря – сезонный

романчик, о котором Сюзи моментально забывает, как только в лагерь приезжает новая смена. Честно признаюсь, я всегда завидовала той легкости, с которой Сюзи меняла своих дружков. Она была веселой и легкомысленной.

– Я застряла здесь из-за бури, – говорит Сюзи, обводя взглядом столовую. – Тайком приехала повидаться с Реттом Уилксом. Не знала даже, что никогда уже не выберусь из этих гор. Сама можешь представить, какие лица были у вожатых, когда они застукали меня в хижине Ретта, но что они могли со мной поделать? – пожимает она плечами. – Домой-то отправить меня нельзя, дороги нет, – ее взгляд скользит в сторону. – Никогда в жизни не ненавидела парней сильнее, чем сейчас, – замечает она, приподняв бровь, и морщит носик, словно не может выносить запах столовой – устоявшуюся, въевшуюся в стены смесь едкого дыма и крепкого пота. – Ты живешь на той стороне озера? – неожиданно спрашивает Сюзи, прищуривая глаза.

Я киваю. Разумеется, она знает, где я живу. Все знают, где Уокеры живут – в доме на краю леса, где они, по слухам, занимаются чернейшей магией, накладывают заклятия на всех подряд и пьют на завтрак кровь своих врагов. Этот дом местные за версту стороной обходят.

– А в лагере ты что делаешь? – снова спрашивает Сюзи, блеснув в полумраке белоснежными зубами. Голос у нее спокойный, ровный. Такой голос, будто она с обычной девочкой из школы разговаривает. Будто мы с ней подруги. Задушевные, вроде как, подруги, которые по ночам болтают друг с другом по телефону, укрывшись с головой под одеялом, чтобы заглушить свои голоса и хихиканье. У меня ни одной такой подруги никогда не было. Да и, возможно, не будет. Болезненное ощущение появляется у меня в животе, ударяет, словно брошенный в глубокий пруд камень, который с глухим всплеском тонет, не оставляя следа.

– Я нашла парня, который пропал, – объясняю я. – И привела его назад.

Сюзи хмуро смотрит на меня. Смотрит так, словно воспоминание о пропавшем парне причиняет ей боль.

– Я думала, он умер, – напряженным тоном отвечает Сюзи. – Замерз где-нибудь в снегу, и найдут его только весной.

При этом она вздрагивает, но слова ее звучат как-то слишком равнодушно, будто смерть в лесу – дело в наших краях вполне обычное, заурядное. *Ну, умер парень, и что? Его легко заменит другой.*

Я приподнимаю бровь, а Сюзи наматывает на палец прядь своих длинных волос, притоптывает ногой – одним словом, выражает нетерпение. Надоел ей наш разговор, я чувствую.

Язычки горящих на длинных столах свечей дрожат, заставляя танцевать тени на стенах. Сюзи скрещивает руки на груди, придвигается ближе ко мне и тихо, словно не желая, чтобы ее услышал кто-то еще, кроме меня, говорит:

– От этого места у меня мурашки бегут.

– Они здесь у всех бегут, – отвечаю я, разглядывая странные тени на высоком потолке. Руки, головы, торчащие кости – и все вывернуто под какими-то невероятными углами. Говорили, что лагерь проклят, что здесь полно призраков умерших старателей, которые бродят по ночам и стучатся в окна.

Что тут сказать? Эти мальчишки никогда не жили в лесу и не привыкли ни к звукам скребущих в окно ветвей, ни к прикосновению холодного ветерка к шее, когда ты спишь.

– Ага, – вяло соглашается Сюзи, но я-то вижу, что совсем не это она мне хочет сказать, что-то другое вертится у нее на языке. Она потирает ладони и шепчет себе под нос, глядя в сторону.

– Не могу я больше здесь оставаться.

Сюзи опускает голову и медленно дышит, словно пытаюсь представить, что находится где-то в другом месте. Будто воображает, что – шелк, шелк, шелк три раза каблучком, пуф-ф-ф! – и она у себя дома, больше не в горах, с этими ужасными парнями.

От ветра язычки свечей вздрагивают и трясутся деревянные стены столовой. Начинается новая снежная буря. Я слышу свист ветра, и под его напором распахиваются двойные двери, с грохотом ударяясь о стены.

Огромный зал моментально погружается во тьму – свечи задуты, а огонь в камине у дальней стены уже не пылает, лишь светятся красные угольки. Скребут по полу поспешно отодвигаемые стулья, звенят опрокинутые тарелки и упавшие со стола вилки. В раскрывшийся дверной проем проникает мутный серый свет дня, но его недостаточно, чтобы осветить темный зал.

– Спокойно, все в порядке, – гремит в темноте голос одного из вожатых. – Всем сесть на места, чтобы мы могли пересчитать вас по головам.

Темноту рассекает луч фонарика, к нему добавляется еще пара таких же лучей, они скользят по лицам и высоким стенам столовой.

– Скажи, – говорит Сюзи так, словно каждое ее слово – величайшая тайна. – Скажи, я не могу у тебя остаться, пока дорогу не расчищают?

Кажется, у меня брови на лоб лезут. Сюзи Торрес никогда не ступала на порог моего дома. Никогда со мной ни о чем не говорила. Ни разу не предложила подсесть к ней за столик в школьном кафетерии, не пригласила ни на одну из своих вечеринок в честь дня рождения, и вот теперь хочет переночевать в моем доме. Ну ничего себе!

– Я сплю на раскладушке в маленькой комнатушке рядом с кухней. Это единственное свободное место. Не могу я там больше ютиться, – продолжает уговаривать меня Сюзи. В полутьме ярко светятся белки ее глаз.

Зажгли фонарь, он немного осветил зал, и все начали возвращаться на свои места за столами.

– Я... – начинаю я, но Сюзи моментально перебивает меня:

– Ну, или хотя бы пока телефон не включают. Тогда я позвоню родителям, и уж они-то найдут способ вытащить меня отсюда, – она умоляюще смотрит мне в глаза. Пряди волос падают ей на лицо.

Мне становится жалко Сюзи, когда я вижу, как отчаянно она пытается улыбнуться, а на глаза ей наворачиваются слезы. Собственно говоря, я бы тоже не хотела ночевать в этом сыром, холодном месте. А еще та часть меня, которой я обычно стараюсь не чувствовать, вдруг подсказывает, что очень даже неплохо, если в доме со мной будет кто-нибудь еще. Заполнит тишину. Пройшей ночью мне так удивительно хорошо, спокойно спалось, когда я знала, что внизу на диване спит Оливер. Кто-то вместе со мной под одной крышей.

– Хорошо, – говорю я.

На лице Сюзи расцветает улыбка, обнажая ее идеально ровные зубы.

– Сбегаю, возьму свой рюкзак, – говорит она. – Встретимся снаружи, договорились?

Я киваю, Сюзи поворачивается и исчезает в полутьме, направляясь к внутренней двери, которая, очевидно, ведет на кухню.

Свечи на столах вновь зажгли, тут и там появились вытянутые язычки пламени, бросающие янтарные блики на стены. Я уже собираюсь выскользнуть наружу, как вдруг замечаю какое-то движение под потолком. Замечаю нечто такое, чего не могла увидеть в темноте.

Мотылек.

Наверное, он сидел на потолочных балках, а теперь взмыл в воздух, привлеченный блеском огня, и решил спуститься ближе к горящим свечам. У него серовато-белое, неестественно светлое для мотылька тельце. И усики у него совершенно белые. Нет, это не обычный мотылек.

Таких мотыльков я уже встречала в Чаще.

Костяной мотылек.

Он мелькает у меня перед глазами словно искра от костра. Ледяная искра, холодная, как январский мороз. Дикая, как февральская метель. Предвестник несчастья. К сожалению, я не могу предвидеть, что надвигается. Я не Жоржетта Уокер, моя двоюродная прапрабабушка, чья

ночная тень позволяла ей видеть будущее в каплях росы на стеблях травинок. Предсказать я ничего не могу, но мои предчувствия меня не обманывают, а я ощущаю комок в горле и разливающуюся по всему телу тупую боль. Чувствую звон в ушах.

У меня между лопаток пробегает холодок, и я поворачиваюсь и выбегаю из столовой, пока меня не заметили и не посчитали вместе с остальными. Секунда – и я уже стою на холодном зимнем ветру.

У меня дрожат руки, сердце молотом стучит в ребра. Прислонясь плечом к столбу, который поддерживает навес крыльца, я жадно хватаю ртом воздух, зажимаю глаза, чтобы избавиться от преследующего меня образа белых изорванных по краям крыльев. Я пыталась убедить себя, что встреченный в лесу мотылек был обычной ночной бабочкой – да, зимней бабочкой цвета снега, и больше ничего. Но это было неправдой. Подобных мотыльков я должна бояться. Даже не счесть, сколько раз они упоминаются в книге заклятий. Там можно встретить сделанные углем зарисовки этих мотыльков с изорванными по краям крылышками, мохнатыми лапками и черными бусинками глаз, которые предвещают только одно: смерть.

Глаза слезятся от холода, в голове гудит колокол.

Над озером стелется туман, густой и мутный, как ольховый дым. Он напоминает мне о том дне, когда мы похоронили бабушку на маленьком кладбище на западном берегу озера. Похоронили в темной земле, где, накрытые искрошившимися могильными плитами, лежат золотоискатели.

«*Погребальный туман*» — так сказала о том дне мама. Только такая погода и подходит для похорон – чтобы горевать, чтобы прятать слезы, текущие по щекам, то, что нужно для оцепеневших, рвущихся на части сердец. Но теперь погребальный туман поднимается над озером, волнами скатываясь вниз по горным склонам. Туман-напоминание. А может быть, предупреждение.

Сегодня хороший день, чтобы хоронить мертвых.

Оливер

Когда мне было десять лет, отец повел меня в поход далеко в горы Блю Мейл. Спали мы в палатке, под дождем, который шел всю ночь и просачивался в маленькую дырочку в нейлоновой ткани. К утру вокруг наших спальных мешков образовалась целая лужа, а я всю ночь дрожал от холода.

Мне еще никогда в жизни не было так холодно, как тогда.

До недавних пор не было.

Холод в здешних лесах – это что-то. Он залезает внутрь, пробираясь сквозь одежду, носки, кожу, пронизывая до мозга костей. Я осторожно выбрался из столовой через заднюю дверь, не дожидаясь, пока вожатые заметят меня. Пока вообще кто-нибудь меня заметит. Впрочем, сделать это было не так уж сложно: я был просто еще одной тенью, промелькнувшей в обманчивом, тусклом свете свечей.

Деревья укутал плотный тяжелый туман, я пробирался по снегу, петляя среди разбросанных в беспорядке лагерных хижин. Номера у хижин тоже шли беспорядочно – четвертая хижина, следующая двадцать шестая, за ней – одиннадцатая. Дичь полнейшая. Но я добрался до хижины четырнадцать, куда был определен в первый день – с этого момента уже прошло несколько недель, – толчком отворил дверь и нырнул внутрь.

Большинство людей никогда не слышали ни про озеро Щучья пасть, ни про лагерь для трудных подростков на его берегу.

Очень уж далеко в горах спрятано от мира это место. Отсюда до ближайшего города на машине ехать и ехать несколько часов по крутой извилистой дороге. Так что неудивительно, что этого озера нет почти ни на одной карте. Подходящее место, чтобы потеряться.

Но я никогда не намеревался пропадать без вести, нет.

Внутри у стен хижины стоят две двухъярусные кровати – хибара эта рассчитана на четверых человек. Воздух здесь пахнет сырой древесиной и дымом костра. Этот запах намертво впитался в простыни, крахмальные наволочки, в обтрепанный зеленый коврик в центре комнаты – буквально во все.

Я присаживаюсь на корточки рядом с пузатой чугунной печкой-буржуйкой в углу хижины.

Вожатые требуют, чтобы огонь в печке не угасал никогда, чтобы она горела день и ночь, согревая лачугу. Но большинство из нас забывают об этом. Сейчас наша печка не горит, в ней остались только тлеющие угли.

Я кладу на угли сухие поленья, развожу огонь, но в комнате по-прежнему холодно, снаружи завывает ветер, бьется в тонкое оконное стекло. Я скидываю башмаки и иду к деревянному комоду, приткнувшемуся у стены справа. Выдвигаю нижний – мой – ящик. Но в нем пусто. Моя одежда, рюкзак, с которым я приехал сюда, несколько книг, мобильник с разрядившейся батареей – все исчезло.

Должно быть, вещи забрали вожатые. Сложили мои пожитки в коробку, когда я пропал, и приготовились отослать их, когда расчищают дорогу, моему дяде.

«С печалью сообщаем вам, что ваш племянник, Оливер Хантсмен, исчез из лагеря для трудных подростков «Щучья пасть». Если он возвратится, мы поставим вас в известность об этом. А пока возвращаем вам все его имущество».

Я задвигаю ящик, чувствуя странную пустоту в животе. Немногие принадлежавшие мне вещи исчезли. Не скажу, что мне очень уж жаль, однако это все, что у меня было. Все, что хоть что-то для меня значило.

И напоминало о прошлой жизни. О родителях. Я стараюсь сдержать наворачивающиеся на глаза слезы. Чувствую, как все сжимается у меня внутри. Возможно, вожатые уже освобо-

дили мое место для кого-то другого. Мой ящик, моя койка – ничто больше не хранит и тени воспоминаний о ком-то, кто жил здесь, а потом исчез.

Можно подумать, что Оливер Хантсмен не существовал никогда на белом свете.

Забираюсь по лесенке в койку – мою старую койку – и ложусь на тощий продавленный матрас. Смотрю на потолок. Он находится надо мной на расстоянии вытянутой руки и покрыт вырезанными именами, непонятными значками и непристойными рисунками. Их оставили мои предшественники – парни, которым не спалось, или было скучно, или просто хотелось, чтобы их помнили. Они вытаскивали свои карманные ножи и начинали резать дерево в доказательство, что они жили на этой земле.

В кармане куртки я нахожу холщовый мешочек с травами, который дала мне *она*. Мешочек пахнет так же, как мамин сад, где она выращивала чабрец, картошку и морковь – ее мы ели, вытаскивая за зеленые хвостики прямо из земли. Я прижимаю мешочек к груди, пытаюсь прогнать угнездившийся там холод. Стараюсь не думать о маме – такие мысли для меня всегда как ножом по сердцу. Они заставляют чувствовать себя одиноким – ужасно, безнадежно одиноким.

Все называют Нору ведьмой. *Лунной ведьмой, полной злоецих мыслей и странных слов. Ведьмой, которая живет в странном доме, наполненном странными вещами. А стоит этот дом среди леса.*

Может, правду говорят. А может, просто пересказывают чужие сплетни. Или рассказывают о ней, чтобы никто не стал трепаться о них самих.

Возможно, она тоже чувствует себя одинокой. Непонятой. Ощущает внутри пустоту, которая никогда не будет заполнена.

В точности как я.

Потрескивает в печке огонь, а я закрываю глаза и укрываюсь с головой одеялом, чтобы немного согреться.

Пытаюсь уснуть. Мир вокруг начинает таять и размываться. На какое-то время я засыпаю, но сон приходит тягучий, мрачный – в нем я бегу среди деревьев, подняв глаза вверх, и ищу звездное ночное небо, но не нахожу. Я заблудился, и я падаю в снег, и мне холодно, холодно, холодно, пока она не трогает меня за руку, и я моментально просыпаюсь.

Открываю глаза. Я лежу все на той же койке и смотрю в потолок.

Но я больше не один.

Внизу слышны голоса и шарканье подошв.

Остальные вернулись.

Я продолжаю тихо лежать, слушая их шаги, слушая, как захлопнулась входная дверь. В хижине темно, солнце давно село, и никто не знает, что я здесь, лежу, притаившись на верхней койке. Они не знают, что я вернулся.

– Я же говорил, что ничего она не погаснет, – говорит кто-то. Я узнаю этот голос. И голоса остальных, вместе с кем я делил эту хижину до того, как потерял память. До того, как пропал. Это сказал Джаспер, у него высокий голос.

Слышу, как подбрасывают в печку новые поленья, как шаркают ногами, выдвигают и задвигают ящики комода. Нижняя койка подо мной трещит и шатается – это Лин шлепается на матрас и начинает колотить ногой по деревянной раме.

Джаспер, койка которого находится прямо напротив меня, говорит.

– Не понимаю, зачем мне нужно знать это дерьмо. Зачем он мне, этот компас? В сортир по нему ходить, что ли? А в лес я после того, как вернусь отсюда, ни за какие коврижки не пойду.

– А если вдруг тебя пригласят работать здесь вожатым? – ехидно спрашивает Лин, и они втроем хохочут.

– Черта с два я соглашусь, – отвечает Джаспер.

В разговоре повисает долгая пауза, слышно лишь, как все громче завывает снаружи ветер, заставляя щелкать и трещать огонь в печке. По крыше начинают барабанить капли дождя.

Я думал, что все уже уснули, но тут Джаспер говорит:

– Две недели сегодня.

– Заткнись, – обрывает его Ретт со своей нижней койки.

– Просто я думаю, где он, – поспешно добавляет Джаспер.

– Найдется, – резко отвечает Ретт. Словно гвоздь вбил. Возможно, мне нужно сказать им что-нибудь, показать, что я здесь, – но я продолжаю молчать, чувствуя, как все сжимается у меня внутри.

– Ты что, можешь осуждать его за то, что он не хочет возвращаться? – спрашивает Лин. В комнате становится тихо. – На его месте я бы тоже спрятался.

– Точно, – хмыкает Джаспер.

Кто-то бурчит себе под нос, кто-то кашляет, но ничего существенного никто не говорит. Вскоре все засыпают – посапывают, похрапывают, дергая ногой, задевают деревянные рамы кроватей, подтягивают к подбородку свои одеяла, чтобы согреться.

В щелях сложенных из бревен стен хижины тоненько свистит ветер. Ужасный это свист – нескончаемый, унылый, сводящий с ума.

Дождь превратился в снежную крупу, та, в свою очередь, сменилась снегом, который стал налипать на подоконники.

Я все еще лежу неподвижно, слушаю, как дышат мои соседи по хижине. Они не знают, что я здесь. Что я вернулся из леса. «На его месте я бы тоже спрятался», – сказал Лин.

Что же случилось той ночью, когда под натиском снежной бури дрожали стены хижин? Что случилось той ночью, которая вычеркнута теперь из моей памяти?

Я откидываю одеяло и тихо спускаюсь по лесенке на пол, крадучись иду по комнате. Никто не пошевелился. Я, конечно, могу разбудить их, сказать, что вернулся, спросить, что же такое, в конце концов, случилось той ночью, чего я никак не могу вспомнить.

Но подкативший к горлу комок не позволяет мне сделать это, а ноющая боль в груди говорит, что я не должен им верить.

Случилось нечто такое, чего не хочет хранить моя память.

Наверняка нечто темное и мрачное.

Я не могу оставаться здесь, с ними. Не могу оставаться в этом месте, переполненном одними только дурными воспоминаниями.

Натягиваю башмаки и приоткрываю дверь ровно настолько, чтобы проскользнуть наружу. Оглядываюсь напоследок и замечаю, что кто-то шевелится. Ретт, по-моему, это он приподнимает голову. Но я закрываю за собой дверь быстрее, чем он успевает что-либо понять.

Раньше, чем видит, как я сбегаю отсюда.

Нора

Ночь в горах опускается быстро.

Заснеженные вершины проглатывают заходящее солнце. Съедают его целиком. Я заносу только что наколотые поленья и кладу их возле печки. Их будет достаточно, чтобы согреть меня и Сюзи всю ночь до самого утра. Если они разгорятся, конечно.

– Ты в лесу нашла все эти вещицы? – спрашивает Сюзи, стоя возле темнеющего окна и проводя пальцем по предметам, сваленным у меня на подоконнике. Больше всего ей понравились, насколько я понимаю, серебряный подсвечник и маленькая, размером с ладонь статуэтка – танцующие мальчик и девочка. Усыпанное веснушками лицо девочки слегка запрокинуто, так, словно она смотрит в воображаемое небо. Эти свои находки я знаю как свои пять пальцев. Они заполняют дом, и от этого он не кажется таким пустым.

Почти весь день Сюзи бегала со своим мобильником, пытаясь поймать сеть, даже после того, как я сказала, что здесь сигнала нет. Устав, она ушла на кухню и принялась то и дело снимать трубку телефона, надеясь услышать гудок. Ничего, разумеется, не услышала, кроме гробовой тишины. Закончилось тем, что от она отошла от телефона, а мобильник выключила, чтобы не разряжать батарейку.

А сейчас наступил вечер, и Сюзи выглядит подавленной, ее голос звучит низко и уныло.

– Да, в лесу, – отвечаю я на вопрос о вещицах на подоконнике. – Во время полнолуния.

Какое-то время Сюзи следит, как крутятся на ветру снежинки за окном.

– В школе о тебе много чего говорят, – произносит она наконец. Рассеянно, так, словно я на самом деле и не слушаю. – Говорят, что ты с деревьями разговариваешь. И с мертвыми тоже.

Что-то в ее голосе подсказывает, что Сюзи самой хочется верить во все это, чтобы потом, вернувшись в школу, она могла сказать: «А знаете, я была в доме Норы Уокер, и все, что о ней говорят, – чистая правда».

Слова Сюзи должны были бы задеть меня, но я хорошо знаю, что говорят люди и обо мне, и о моей семье, так что эти сплетни давно не ранят меня, стекая словно дождевые капли с зонта. Я знаю, кто я есть и кем не являюсь. Нет, я не осуждаю людей за их любопытство. Иногда мне даже кажется, что они просто испытывают зависть и желание стать чем-то ббльшим, кто они есть. Сбежать от серости их заурядной жизни.

Я прохожу на кухню, зажигаю спичкой две свечи – одну для Сюзи, одну для себя – и тихо замечаю:

– Знаешь, я никогда не разговаривала с мертвыми.

Это правда, хотя Уокеры часто были способны видеть призраков, которые бродят по старому кладбищу на дальнем конце озера. Да, мы, Уокеры, видим порой потусторонние тени, фантомы, проплывающие по дому из угла в угол. Наши глаза действительно способны видеть то, что не дано другим. Но этого я Сюзи не говорю. Не хочу представлять доказательства, что я на самом деле могу быть такой, какой они меня воображают.

Сюзи моргает и постукивает пальцами по предплечью, прищуривает глаза, словно не верит мне, словно уверена, что я что-то прячу от нее. Например, десяток черных котов на чердаке, щетку, засунутую в шкаф за зимние куртки, или спрятанные под половицами банки, в которых я храню сердца своих жертв. Но ничего подобного в доме нет, только сушеные травы, печная сажа и дремлющие по углам воспоминания.

– Постелю тебе на диване, – говорю я.

Одеяла и подушка, на которой здесь спал прошлой ночью Оливер, скомканы и лежат на краю дивана.

Сюзи осматривает продавленный диван, его подлокотники с вылезавшей наружу набивкой и хмурится. И спрашивает, надувая губки:

– А кровати, на которой я могла бы спать, у тебя нет?

– Прости, нет.

Она отводит взгляд, изучает гостиную. Быть может, она рассчитывала, что я живу в одном из больших домов у озера – бревенчатых вилл с пятью спальнями, игровыми комнатами в цокольном этаже и ванной, где она могла бы полежать в душистой пене, отогреваясь с мороза.

– А может, я... – она запинается и совсем тихо заканчивает: – Могу спать с тобой, в твоей комнате?

Мне вновь становится жалко ее.

Говорить «да» мне не хочется, я не хочу делить свою кровать с девчонкой, которая наверняка сплетничает обо мне в школе, жадно разглядывает странные вещицы в моем доме, чтобы потом распусть новые слухи, когда вернется в Фир Хэйвен. Но с другой стороны, мне хочется чувствовать себя нормальной, обычной девушкой, которая может пригласить к себе подругу, а если они засидятся допоздна, оставит ее ночевать. Что станет рассказывать Сюзи обо мне в школе, меня совершенно не волнует.

– Отлично, – срывается у меня с губ прежде, чем я успеваю удержаться.

Я запираю обе двери, и мы взбираемся по лестнице ко мне на чердак. Фин поднимается вслед за нами.

Здесь Сюзи сразу же подходит к стене, на которой расположены окна, а я взбиваю лежащие на кровати подушки – одну для Сюзи, одну для себя.

Снег усилился, густо валит за окном, липнет к стеклу. Интересно, нет ли поблизости мотылька? Может, следит за мной, поджидает среди деревьев. За неделю до смерти бабушки костяной мотылек целое утро бился в окна нашего дома – *хлоп-хлоп-хлоп* крылышками, *шор-шор-шор*. Так сильно бил крылышками и колотился маленькой головкой, что, казалось, вот-вот стекло разобьет. Тогда я впервые увидела живьем того зловещего мотылька, о котором меня столько раз предупреждала бабушка. Помню, как мама металась в то утро по дому, то заплетая, то расплетая свои волосы, словно таким образом можно было что-то изменить.

Мама знала, что приближается смерть: костяной мотылек был ее вестником.

Той же ночью мы с мамой проснулись и обнаружили, что бабушка вышла из дома, чтобы в последний раз побыть на берегу озера. Вокруг бабушки кружились осенние листья – оранжевые, золотисто-желтые, печальные, – и мы знали, что мотылек был прав. Смерть приближалась, как мы и боялись.

А теперь такой же костяной мотылек преследует меня.

– Почему ты остаешься здесь на зиму? – спрашивает Сюзи, касаясь окна кончиками пальцев.

Я зажмуриваю глаза, чтобы прогнать воспоминания о мотыльке и бабушке, и отвечаю:

– Это мой дом.

– Понимаю, но ты могла бы уезжать на зиму, как это делают другие.

– А мне зима нравится, – говорю я. Я люблю тишину. Холодную бескрайнюю тишину. Но это еще не все. Здесь мое место. Все Уокеры из поколения в поколение жили в этом лесу. Среди древних сосен. Так было всегда, вот и все.

Мы просто не знаем, как это – жить где-то еще.

– Твой дом старше остальных, – замечает Сюзи, продолжая смотреть в окно, хотя в такую метель вряд ли она может разглядеть другие дома на берегу озера.

– Этот дом построил мой прапрадед, – говорю я. – И было это задолго до того, как здесь начали строить другие дома, – взгляд у Сюзи мягкий, на ее щеки и рыжевато-каштановые волосы ложатся блики от зажженной свечи, которую она держит в руках. – Он был золотоискателем, – продолжаю я. – Сколотил себе состояние на Черной реке.

Но, как и большинство мужчин в нашей семье, он появился и исчез так же быстро, как переходит в ночь осенний вечер. Впрочем, тех мужчин я не виню: все женщины из рода Уоке-

ров были ветренными, неверными, когда дело касалось любви. Мужчины всегда были для них лишь мимолетным увлечением. Как мой отец, например. Не знаю, невезение тому виной или выбирать мы не умеем, но только мужчины никогда здесь надолго не задерживаются.

Я иду к платяному шкафу и переодеваюсь в тренировочные брюки и толстый, грубой вязки свитер. А Сюзи все стоит у окна, прижав к стеклу ладонь.

– Ты говорила, что нашла того пропавшего парня? – спрашивает она.

Я закрываю дверцу шкафа, на секунду ловлю свое отражение в зеркале – глаза сонные, волосы свалялись, расчесать пора.

– Да, нашла. В лесу, – осторожно отвечаю я.

Местные знают про Чашу. Говорят о нем тайком, всегда шепотом. Словно боятся, что лес услышит их и накроет своим мраком. *«Никогда не говори о Чаше»*, – это предупреждение много раз встречается на страницах книги заклятий.

– Как он выжил там столько времени? – спрашивает Сюзи, отстраняя руку от окна.

– Ему повезло, – говорю я. А может, совсем наоборот. Обнаружить, что ты потерялся в Чаше, – это несчастье. Катастрофическое.

«Обреченный он, – сказала бы бабушка, будь она здесь. – Проклятый. Сторониться его нужно».

У меня по спине пробегает ледяной холодок, вползает в грудь и застывает там, тяжелый, как цемент.

– А мог бы закончить как тот, другой парень, – замечает Сюзи.

Я вскидываю глаза, смотрю на ее силуэт, четко выделяющийся на фоне окна, за которым метет снег.

– Какой другой парень?

– Тот, что умер, – пожимает плечами Сюзи, поворачиваясь ко мне. – В ту же ночь, когда пропал твой парень.

Мне хочется сказать, что он не мой парень, но вместо этого я спрашиваю.

– Умер?

– Ну да, в ту ночь, когда была снежная буря, – поджимает губы Сюзи.

– А что с ним случилось?

– Не знаю. Просто слышала, как другие говорили об этом. Они хотели вызвать полицию, но телефоны уже отрубались.

– Кем был тот парень? – подхожу я ближе к Сюзи.

– Точно не знаю, – отвечает она, наматывая на палец прядь волос, но делает это не потому, что нервничает, а просто по привычке. – Все помалкивают, никто разговаривать об этом со мной не хотел. Но мне удалось кое-что подслушать в зале, когда они шептались между собой.

– Они говорили о том, как он умер? – спрашиваю я. У меня все сжимается в груди, не могу вдохнуть. Сюзи мотает головой и хмурится при мысли, каково это – найти свою смерть в этих лесах, на собачьем холоде. – Слышала только, что один парень пропал, а второй умер.

Я опускаюсь на край кровати, смотрю в окно через плечо Сюзи.

– Кто-то умер, – глухо повторяю я, в основном для самой себя, и провожу пальцем по бабушкиному кольцу, ощущая мягкие очертания серого лунного камня.

Словно могу призвать бабушку, услышать ее успокаивающий голос, которым она рассказывала мне свои истории. Но бабушка, конечно, передо мной не появляется.

Какое-то время мы с Сюзи молчим, сквозь стены просачивается холод, огонь в печке внизу, похоже, начинает угасать. Спальня кажется мне необычно пустой, в ушах начинает звенеть, а когда я моргаю, кажется, что стены спальни дрожат и качаются.

Наверное, я слишком устала. И не выспалась.

– Не хочу это обсуждать, – говорит Сюзи и шумно выдыхает – то ли раздраженно, то ли измученно, не могу понять. – Все это ужасно.

Она отходит от окна к кровати и быстро забирается под шерстяное одеяло, так и не сняв свою кенгурушку и джинсы. Будто надеется, что сможет спрятаться там от смерти и легко забыть все.

Она закрывает глаза, ее мягкие волнистые волосы раскидываются по подушке. От Сюзи пахнет розовой водой, напоминающей старинные французские духи, какими теперь пользуются только леди в домах для престарелых, которые курят тоненькие сигареты и все еще красят себе ногти вишнево-красным лаком.

На секунду мне почти удается обмануть себя, заставить поверить, что у нас нормальная вечеринка с ночевкой. Что мы с Сюзи – две лучшие подруги, слишком засидевшиеся у телевизора, жуя попкорн и смотря ужастики, накручивая друг другу бигуди, хихикая, вспоминая мальчиков, с которыми целовались в школе. Совсем другой вечер. Совершенно иная жизнь.

Люди смотрят на меня и видят ведьму. Девчонку опасную, неуправляемую, полную темных мыслей. Но они не видят, что я скрываю от всех. Не замечают, что я чувствую себя потерянной, одинокой, потому что единственного человека, который меня понимал, бабушки, нет больше на этом свете. Не понимают, что я ощущаю себя недостаточно хорошей, недостойной и что ношу на сердце камень.

Никто не видит, что у меня не меньше душевных ран, чем у остальных.

Что я тоже надломлена.

Я неохотно залезаю в постель.

Утыкаюсь коленками в колени Сюзи, головой в ее локоть, а когда она засыпает, слышу, как она начинает храпеть в подушку. Впрочем, храпит Сюзи негромко, этот звук, можно сказать, даже успокаивает, но я лежу без сна.

Мой мозг трещит от перегрева.

«*Парень умер*». Мне становится не по себе. «*Парень умер*». А мы заперты в этих горах. «*Парень умер*». И я не знаю, что об этом думать. Будь сейчас лето или хотя бы дорога не была заблокирована, сюда прибыла бы полиция. Они задавали бы вопросы. Выясняли все обстоятельства дела. Но ничего этого не произойдет, пока не расчистят дорогу, и мне непонятно, стоит ли чего-то бояться. «Как он умер? Это был несчастный случай или что-то другое?» Сюзи упомянула о его смерти как-то вскользь, словно это все случилось уже давно, год назад, а то и больше. «Ах, ну да, той зимой парень умер, как же это так снова-то произошло?»

Но я никогда не знала никого, кто бы умер, если не считать бабушки. Возможно, если бы не тот мотылек или не парень, которого я нашла в лесу, мне было бы спокойнее. И не трещали бы у меня сейчас мысли в голове, как кузнечики в высокой прибрежной траве в осеннюю лунную ночь. Возможно.

Но мои мысли не успокаиваются, грохочут, носятся по кругу. «Знал ли Оливер, что случилось с тем парнем? Был ли он там, когда это произошло? Помнит ли об этом?»

Проходит час. Снег все сильнее бьет в стекло, начинается буря, катится на нас вниз по горным склонам. Фин дергает лапами, скребет когтями по деревянным половицам – ловит во сне кролика или мышь.

Я заставляю себя опустить веки. Молю сон прийти ко мне.

Но вместо этого смотрю в потолок.

Смотрю, пока ночь за окном не становится непроглядной, пока не вскипают в голове беспокойные мысли, и тогда я слышу стук.

Тук-тук-тук по стеклу, *тук-тук-тук*.

Снаружи кто-то есть.

– Что это? – бормочет Сюзи, не разлепляя глаз. Она говорит, продолжая оставаться в своем сне, она еще не проснулась до конца.

– Я что-то слышала внизу, – тихо отвечаю я, выбираясь из постели. – У двери.

Перевожу взгляд на лестницу и прислушиваюсь.

– М-м, – мычит Сюзи и вновь зарывается головой в подушку.

Ветер бьет о стены дома, сердце колоколом стучит в груди. Осторожно, тихо, ступенька за ступенькой я спускаюсь вниз. «*Парень мертв*» – эта мысль отдается в моей голове с каждым ударом сердца.

Я снова слышу стук – отчетливый, быстрый, он доносится с той стороны входной двери. Это, я думаю, может быть только мистер Перкинс или кто-то из лагерных вожатых – хотят предупредить меня, что среди нас разгуливает убийца. Посоветуют запереться на все замки и не выходить из дома. Ко мне привыкли относиться как к самой большой опасности в наших лесах, но теперь это, возможно, больше не так.

Я подхожу к окну, медленно дышу, пытаюсь унять волнение, звенящее в висках. Я отодвигаю в сторону краешек занавески. Кто-то стоит на крыльце, засунув руки в карманы, сгорбившись от холодного ветра.

Я его знаю.

Я отодвигаю щеколду и толчком открываю дверь. В открывшийся дверной проем влетает порыв ветра, приносит с собой пригоршни снега.

Ночной гость поднимает голову.

Оливер.

– Я не знал, куда еще пойти, – говорит он, хмурясь.

Ко мне снова возвращается способность дышать, и я отступаю на шаг, позволяя Оливеру войти внутрь.

– Что ты здесь делаешь? – спрашиваю я.

Он стягивает капюшон, поднимает глаза. В неосвещенной комнате его зрачки кажутся еще темнее.

– Мне нужно место, где бы я мог отсидеться.

Я скрещиваю руки на груди, в голове продолжают крутиться слова, от которых я никак не могу избавиться: «*Парень умер. Парень умер*».

– Почему ты не мог остаться в лагере? – спрашиваю я.

Я наблюдаю за ним, пытаюсь найти причины, по которым я не могу позволить парню, которого я едва знаю, остаться у себя в доме. Причины, по которым я должна сказать, чтобы он уходил, но только вижу перед собой парня, которого я нашла в Чаше, – замерзшего, дрожащего и одинокого. Вспоминаю, как он, раздевшись, сидел у огня в тот вечер, когда я привела его назад. Помню, какими холодными, буквально ледяными были его руки, как сильно он стискивал зубы и как расслабились его мышцы, как только я прикоснулась к нему.

– Я никому там не верю, – отвечает он.

– Почему?

Его взгляд задерживается на мне, прежде чем скользнуть в сторону. После долгой паузы он говорит:

– Мне некуда больше пойти.

Мне кажется, что я слышу на чердаке какое-то движение. Это Сюзи – то ли проснулась, то ли просто перевернулась на другой бок. Звук замирает.

«*Парень умер*», – снова думаю я. Эти слова крутятся в голове, повторяются, словно эхо...

Я слглатываю, перевожу взгляд на Оливера и говорю то, чего не хотела бы произносить вслух:

– В ту ночь, когда ты пропал, умер парень.

Слова слетают с моих губ, вызывая странную боль у меня под ребрами – будто я попалась на рыболовный крючок.

– Что? – хмурится Оливер.

Я чувствую, как сжимаю челюсть, не отрываясь, смотрю на него, боясь упустить малейшее движение, которое может что-нибудь выдать. Показать, что Оливер пытается что-то скрыть от меня.

– Парень умер, – повторяю я, гораздо тверже на этот раз.

Но Оливер смотрит, словно ничего не понимает.

– Ты этого не знал? – спрашиваю я.

– Нет, я не... – он замолкает, стоит, слегка покачиваясь на носках, и я вижу, как он бледен – холод еще не полностью вышел из его тела. – Я ничего не помню. Я не мог...

Его голос затихает.

Мне хочется притронуться к нему, успокоить, но я продолжаю держать свои руки скрещенными на груди, изучаю каждую черточку его лица, линию скул. Я высматриваю признаки, что Оливер лжет, скрывает что-то. Но вижу лишь глубокое замешательство.

– Я не могу вернуться в лагерь, – говорит он наконец. – Не будь дорога занесена, я ушел бы, но... – тяжело выдыхает он. – Но я застрял здесь.

Оливер вздыхает, и, клянусь, мне кажется, что ветер стихает. Он закрывает глаза.

Потерянная вещь, найденная в лесу. Которая сейчас больше казалась мне лесом, чем парнем.

И я говорю, прежде чем успеваю остановиться, убедить себя, что это плохая идея.

– Хорошо, – на секунду мне становится тревожно. – Ты можешь остаться здесь на ночь.

«На одну ночь», – добавляю я про себя. Еще одну ночь я разрешу спать здесь парню, который говорит так, словно внутри него шуршит легкий ветерок, который не может вспомнить, что с ним произошло в ту ночь. Его взгляд слегка сносит меня с катушек, и мне хочется кричать. Женщины из семьи Уокеров не могут верить собственным сердцам – нашим обманчивым, истекающим кровью сердцам. Этим беспечным, глупым комкам мышц, которые слишком часто бьются, слишком легко разбиваются. Наши сердца слишком хрупкие, чтобы им верить. И все же я позволяю ему остаться.

Я запираю входную дверь и подкладываю поленьев в печь. Когда Оливер присаживается на диван, замечаю, что он все еще держит в руке холщовый мешочек с травами, который я дала ему. Я была уверена, что Оливер выбросит этот мешочек, но он его сохранил.

– Спасибо, – говорит он, и я останавливаюсь у подножия лестницы, раздумывая и вертя кольцо с лунным камнем.

– А я могу тебе верить? – спрашиваю я.

«Слишком поздно ты его об этом спрашиваешь». Конечно, ведь я *уже* разрешила ему остаться. Позволила своему сердцу биться сильнее, позволила себе поверить, что Оливер может быть другим, не таким, как все. Что он может ощущать внутри себя такую же пустоту, как и я. Интересно, если он ответит «нет» – найду я сил заставить его уйти? Нет, наверное.

Оливер смотрит на меня своими бездонными глазами, и моя голова начинает кружиться, становится легкой, и в ней не остается ни одной мысли. Такое ощущение, что я стою на качающейся корабельной палубе, и нет ни компаса, ни звезд над головой, чтобы направить меня к берегу.

– Я не знаю, – отвечает он наконец, и у меня пересыхает в горле.

«Парень умер. Умер, умер, умер» – эти слова прочно засели у меня в голове, они пустили корни в моем черепе, протянули колючие ветки с ядовитыми цветками, отравили мои мысли.

Внутри меня и внутри дома собирается буря. Темнеет в дверном проеме, тьма выползает из всех углов, растекается из-под старых скрипучих кроватей.

Вернувшись в комнату, я чувствую себя одиноко, неуютно под собственным одеялом. Потолок чердака кажется мне слишком крутым и шероховатым, похожим на хрупкие кости, которые легко ломаются, рассыпаясь на куски. Я заставляю себя закрыть глаза, но вижу

перед собой только мотылька, вспоминаю его белые, как зола, крылышки, приближающиеся навстречу мне из тьмы. Мотылек охотится за мной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.